

Николай Железняк

ЧЕМОДАНЫ

16+

Николай Александрович Железняк

Чемоданы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40644161

SelfPub; 2021

Аннотация

Ограбить банк – неожиданное задание для полицейского. Но молодой опер Зелёный с опытным представителем криминала Плешивым успешно справляются с ответственной миссией. И тут дело выходит из-под контроля. Подельников ищут соратники по борьбе с преступностью, спецслужбы, Интерпол... А Зелёного ещё и любимая женщина. В погоне за чемоданами с деньгами все следят за всеми. Что победит – алчность или чувство долга, деньги или любовь?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	60
Глава 5	80
Глава 6	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Николай Железняк

Чемоданы

Посвящается всем тем, кто этого не хотел

В связи с широкой оглаской этой успешной операции правоохранительных органов все имена и клички действующих лиц приведены подлинными

Список основных персоналий, проходящих по делу N:

Зеленый, он же Гена Махонин – молодой сотрудник полиции, внедренный в преступную среду.

Плешивый – абсолютно лысый представитель криминальных кругов.

Алла – девушка Зеленого, секретарша Петра Кузьмича.

Светка – стервозная подруга Аллы, сотрудница глянцевого журнала.

Мужиков Семен Януариевич – начальник управления по борьбе с организованной преступностью.

Среднее звено в управлении Мужикова:

Валера – огромная нижняя челюсть и перебитый нос.

Кириллыч - старший по многим вопросам.

Палыч – приколист-криминалист.

Опера в управлении Мужикова:

Эдуард Брюховец-плюгавый недотепа и тщетный лове-
лас.

Василий Коротких- флегматичный массивный служака
с лопатообразными руками.

Петя Бережной– плешивый хозяйственный брюнет.

Лёва – балагур с моржовыми усами.

Иванов-Неизвестный – начальник управления по без-
опасности, вытесанный из дуба рослый мужчина с надбров-
ными валиками.

Утюг – агент управления безопасности, сверхсекретный
супермен.

Петр Кузьмич – крупный чиновник городского масшта-
ба. Куратор спецслужб. Лощеный седеющий мужчина лет 60
в прекрасном костюме.

Сергей Карпов, он же Карп - краснорожий директор
охранного агентства. Бывший сотрудник органов.

Лена и Люда – длинноногие блондинки из охранного
агентства Карпа.

Владимир Киргизов - непроницаемый резидент многих
разведок.

Пинчер – идиот, он же агент Интерпола.

Двупер Михаил Маркович – журналист-борзописец.
Плотен до квадратизма.

Дикобраз, он же Ежовский – мифический глава мафии.

И другие...

Представляющие, в основном, различные структуры правоохранительной системы.

Пора было заступать на службу...

Старый ламповый телевизор с гордым пластмассовым шильдиком «Рекорд» на передней панели стоял в опорном пункте полиции на деревянной тумбочке, покрытой засаленной клеенкой.

Его корпус из лакированной фанеры со скругленным в углах, выпуклым, как линза, экраном выполнял роль полки и радио. Голубой огонек его изображения погас задолго до нынешней общественной нагрузки, и замшево-серый экран давно не протирался. Пророборздив пыль, какой-то шутник вывел на нем пальцем: «Стоять! Стреляю!».

Участковый инспектор сержант полиции Свиридюк полюбовался очередным именованным оружием, поднесенным за участие в операции по нашумевшему делу об ограблении «Второго постиндустриального банка». Красивая сабля, ничего не скажешь...

Он еще раз перелистал список шпионов района, недавно спущенный главком. В список поднадзорных включили некоего Ежовского. Свиридюк потянулся на топчане и ожесточенно почесал пятку. Дежурство только начиналось.

Чрево вещание из недр телевизора продолжалось...

Глава 1

Зеленый и «Пять треугольников»

Все происходило строго конспиративно.

Можно сказать, сугубо конфиденциально. Если не сказать больше. А можно было бы и сказать больше. Но говорить этого нельзя. Не положено. А тот, кто думает или, опираясь на непроверенные данные, полагает или предполагает иначе, не информирован должным образом. Не посвящен. Где-то даже не допущен...

Молодой парень с вытянутым бледным лицом, ссутулясь, шел по замусоренному тротуару вдоль череды палаток.

Это был Зеленый. Таковая кличка прочно закрепилась за ним в управлении по борьбе с организованной преступностью, где он числился в звании старшего лейтенанта.

Редкие покупатели мелкоалкогольной наружности, внимательно разглядывали заставленные пестрыми банками и бутылками витрины. Головного убора на Зеленом не было. Наклоняя голову со свисающей на глаза наискось лба челкой прямых темных волос, он пытался проткнуть острым подбородком воротник своего серого плаща. И либо погибнуть от удушья, либо спрятаться от морозящего дождя.

За ним, метрах в десяти, не отставая, медленно ползло желтое такси. Призывный подсвеченный штандарт на кры-

ше настоятельно рекомендовал закурить тонкие белые сигареты. Что сулило наслаждение, несовместимое с жизнью.

Зеленый, периодически оборачивался, смотрел вдаль, потом – на часы и продолжал движение. Сопряженное с самоубийственными попытками углубиться в себя. Такси он в упор не видел.

Последнее время в отношениях с Аллой, с которой они совместно проживали третий месяц, наметился легкий разлад. На почве частого отсутствия Зеленого по вечерам.

Надо было придумать, что сказать недоверчивой подруге сегодня.

По изначальной легенде он помогал нескольким провинциальным ликеро-водочным заводам с реализацией в столице. Приехал он из Волгограда, точнее его приехали, так что тут все было логично. Провинциал цепляется за старые связи. Довольно скоро легенда превратилась в быль. Сначала ему настоятельно порекомендовали открыть фирму. Подставных учредителей, точнее какие-то паспорта, привез Валера, с которым он был на связи. Директором была мертвая душа, за нее Зеленый и расписывался. Потом фирмы начали меняться. Через него потек нелегальный спирт с юга и левая водка. Зеленый распахивал товар по подпольным и не подпольным заводам. Бизнес шел хорошо, благо крыша была серьезной. Кто, кроме Валеры, из начальства был в доле, Зеленый не знал, но долю отвозил регулярно. Скоро планировался выход на рынок конфиската, что тоже сулило при-

личные барыши, учитывая цены, по которым тот должен был закрываться на контору Зеленого. Бизнес предполагался уже серым, а не черным. Зеленый зарегистрировал новую фирму на себя, не без юмора назвав ее «Компания «Пять треугольников»». Валера, узнав, скривился, в меру возможностей лицевых мышц, но возражать не стал. Он в дела особенно не лез, но, похоже, контролировал ситуацию, так что Зеленый не зарывался.

Деятельность позволяла иметь обширные контакты в среде, которая интересовала управление по борьбе с организованной преступностью. Свободный график, сам себе хозяин, кое-какие деньжата – это уже для Аллы. Жизнь повернула, конечно, не совсем туда, куда мыслилось при выборе службы, но проблем, в принципе, особых не было. Не он тряс коммерсантов, а сам им стал... Опять-таки – Москва, не Волгоград. Да и давняя мечта отщипнуть от жизни что-нибудь для себя начала воплощаться... Риск присутствовал, но, как говорил Валера: «закрывать можно все», – оперативная необходимость и т.д.

Из дверей станции метро «Бубырево» выдавило новую партию отработанных за очередной рабочий день аборигенов. Парень и такси на время остановились, давая возможность обтечь себя напряженной толпе пролетариев, пробирающихся к своим спальным мешкам.

Дойдя до овощного павильона, Зеленый посмотрел в очередной раз на часы, огляделся, обрадованно взмахнул ру-

кой и запрыгнул на заднее сидение истомленного ожиданием такси.

Валера криво ухмыльнулся в зеркало заднего вида.

Автомобиль резко набрал скорость.

– Все чисто? – без отрыва от вождения глухо спросила внушительная спина таксиста.

– Вроде. Привет, Валера, – пробормотал пассажир, отряхивая и приглаживая волосы.

Валерину ухмылку Зеленый принял на свой счет. Хотя, если рассуждать логически, так оно и было, – хвоста-то он не заметил.

Дальше ехали молча. Зеленый напряженно смотрел на короткостриженный, с глубокой поперечной складкой загривок Валеры. Изредка отмечая путь, справляясь коротким взглядом сквозь испещренное полосками воды стекло.

Пятый или шестой день сыпал дождь. Невзирая на конец календарного июня, холод был собачий. Пронизывающий северный ветер силился развеять даже самые робкие летние ожидания. Мегаполис положительно не радовал погодой обитателей. Лето опять не задалось. С климатом была перманентная беда. Правда, смог развеялся. Или просто его было трудно заметить в серой мрачной взвеси, обволакивающей город. Темнело рано. Солнце не пробивалось сквозь сплошные облака.

Зеленый достал платок и высморкался, нарушив молчание. Валера оглянулся и, ухмыляясь, пробуравил клиента

маленькими для широкого лица глазками. Нижняя челюсть у него в бескомпромиссной борьбе одержала убедительную победу над верхней. Значительно выпирая вперед. Так что улыбка получалась двусмысленной.

– Ладно, здесь подойдет, – пробурчал он под нос, закончив кружить по району, и остановил машину в пустынном переулке, подходящем для темных дел.

Такси попыталось затеряться в ряду припаркованных вдоль чахлого кустарника автомобилей, напоминая парусник на приколе со спонсорской рекламой сигарет.

– Шеф сказал, ты плохо работаешь, Зеленый.

Рот Валеры был постоянно приоткрыт, и речь доносились откуда-то из глубины, как из бочки. Вкупе с густыми сдвинутыми бровями и перебитым носом общий вид у него был рудиментарный.

«Тупиковая ветвь эволюции», – подумал Зеленый.

– Не оправдываешь оказанного тебе доверия, – Валера минимальными средствами изобразил ухмылку.

Зеленый скривил губы:

– Ему всегда мало. А вчера? В «Розалинде»? Что никого не взяли?

– А! – отмахнулся Валера, коротким выбросом распрямив сосисочные пальцы. – Мелочь. Шеф сказал, не там копаешь. Поставляешь всякий сброд, – он снова повел пальцами, резким коротким движением отрезая конец фразы.

– Могли бы и меня вчера загрести. Для количества, –

оскорбился Зеленый. – Меня у входа чуть не повязали.

Не меня выражения лица, Валера заржал:

– Неплохо было бы, если бы и с тобой вчера поработали в запарке. Пора тебя уже брать... – Он уперся немигающими глазками в собеседника. – Ладно, шутки в сторону! Тебе есть задание. Плешивого узнал уже?

– Его все знают... Там, – добавил неопределенно Зеленый и повел шеей. Он выглядел подавленным. Потирая указательным пальцем тонкий нос, он быстро взглянул на нависавшего глыбой визави.

– Есть данные, – Валера понизил голос, – что он связан с самим Дикобразом.

После этой фразы оба дружно повертели головами. Даже Валера выказал неожиданную способность к столь широким и быстрым движениям.

– Предложишь ему взять «Второй постиндустриальный банк». Через неделю туда завезут валюту. Для вас...

– А он согласится? – севшим голосом спросил Зеленый, облизал губы, достал платок и вытер их.

– Три миллиона долларов... Настоящих. Я бы тоже согласился, – прекратив смеяться, Валера опять уставился на Зеленого взглядом удава.

«Сейчас зашипит», – машинально подумал Зеленый.

– Возьмете банк, – и не отрывайся от него. Нужны его связи!

– Рискованно.

– А ты смотайся с деньгами... Вообще, шеф – дурак... Такие деньги тебе доверять!.. Дураку... В банке все будет нормально, – без перехода продолжил гудеть псевдотаксист. – Инкассаторы, которые привезут деньги, наши люди... Тебя подстрахуют. Все инструкции получишь позже.

– Дикобраз – это фигура, с ним лучше не связываться. И потом – как не отрываться? Что я этому Плешивому скажу? Да и работы у меня по горло. Ты же знаешь.

– Не тебе решать, с кем связываться. Там решают, – большой палец Валеры указал на обивку крыши. – Нужны связи этого Плешивого. Придумаешь что-нибудь. Вас будут вести все время. Помощь будет, если что. Присмотрят, в общем, за вами, – Валера оскалился.

Воцарилось молчание, во время которого таксист волной постукивал пальцами по спинке сиденья перед лицом Зеленого. Тот смотрел на короткие и толстые пальцы с обкусанными ногтями.

«Окурок сигары», – оценил он.

– Да, – Валера вынул из кармана диск и показал Зеленому, – материална Плешивого. Проработал, – многозначительно добавил он. – Данных, правда, маловато. Но шеф сказал, что это уже говорит о многом. Прослушаешь и – того, уничтожишь. Встретимся завтра там же. Расскажу подробности дела. Только не броди, как паломник, и не оглядывайся. Приеду – не брошу.

– Я пошел! – Зеленый взял диск и вылез из машины.

– Тебя, кстати, шеф обещался премировать за операцию, -бросил ему в спину Валера.

– Спасибо, что предупредил, – процедил Зеленый.

– Если выживешь, – закончил фразу Валера.

Через несколько минут дворами Зеленый подошел к серому двенадцатиэтажному панельному дому, стоящему в окружении однойэтажных близнецов. Поднялся по лестнице на четвертый этаж, открыл дверь ключем и зажег свет. Снимая плащ в прихожей, он позвал:

– Алла! Ты дома?

Не дожидаясь ответа, вошел в комнату, именуемую большой, дернул за шнурок, зажигая бра.

Квартира была малогабаритной и маломеблированной. Без излишеств. В зале размещался диван, кресло, журнальный столик, в углу выделялась стереосистема с большими колонками по бокам. На полу, полностью скрывая его, лежали впритык два пестрых ковра.

Вторую комнату оккупировала двуспальная, а может и больше, кровать. Зеленый повесил пиджак во встроенный шкаф. Не снимая туфель, вернулся в зал, закурил, вставил диск, сел в кресло и включил запись. Послышалось легкое шипенье. Зеленый повертел кончиком сигареты в блюдце, стоящем на столике, и принял удобную позу. Свет бра почти не добирался до противоположного конца комнаты, и там виднелись только разноцветные огоньки стереосистемы.

– Плешивый... предположительно кличка, – донесся из

динамиком монотонный, неакцентированный дикторский голос. – Настоящие фамилия, национальность и другие анкетные данные неизвестны... Рост 182 сантиметра, вес 85 килограммов. Данные прошлого года. Возраст – приблизительно 30-35 лет. По-видимому, причастен к серии нераскрытых ограблений обменных пунктов валюты на Черноморском побережье прошлым летом, серии нераскрытых квартирных краж у известных антикваров Москвы минувшей зимой. Есть основания считать причастным к нарко-traffiku из Средней Азии. По информации, входит в ближний круг Ежевского – он же Дикобраз... Под следствием не находился, на оккупированной территории – тоже. Скорее всего, знает несколько иностранных языков, включая белорусский. Всегда вооружен. В совершенстве владеет восточными единоборствами, – голос замялся. – Это проверено наверняка. Особые приметы – может брить голову... Может также быть крайне небрит.

На свободу вырвалась ритмичная музыка.

– Не густо, – пробормотал Зеленый и остановил мелодию нажатием кнопки пульта. – Идиоты. Все у них не слава богу, – он пожал плечами. – Зачем он Дикобразу?

Зеленый оперся спиной о боковой валик кресла, закинул ногу на другую и задумался, снова закуривая.

– С чего они решили, что Плешивый – человек Дикобраза? – задал он себе вопрос вновь.

Дикобраз – он же Ежевский – человек известный. Владе-

лец заводов, газет, пароходов, как говорится. Авторитетный предприниматель. Много темных пятен и ряд недоказанных смертей, но двери все, вроде, открывает. Летает очень высоко. С первыми лицами города, вроде, на короткой ноге. Хотя, в последнее время пошла какая-то волна, что, дескать, а не криминал ли, который во власть рвется. В общем, похоже, те, кто уже в лодке, начали отпихивать других баграми. Или наступил кому на бизнес?.. Или бизнеса стало сильно много?..

Зеленый усмехнулся.

Если не отрываться от Плешивого, возможен отъезд. Светила командировка, черт побери. Некстати...

Зеленый вновь подумал об Алле. Радостно было, что сегодня он пришел домой первым. Непонятно только, где его подруга на этот раз. Ладно...

Черт, а три миллиона – это куш. Большой куш!..

Зеленый потер пальцем нос, поднялся и, потягиваясь, пошел в ванную.

Ему хорошо думалось когда он стоял под душем. А подумать было о чем: три миллиона долларов – это сумма. О такой не мечталось даже.

Шум воды в душе порадовал Аллу. Ее Гена был дома. Она представила его, стоящим обнаженным, со стекающими по худощавому торсу струями воды, но удержалась от искушения сразу же войти. Надо подготовиться.

У Аллы было хорошее настроение. Несмотря на погоду.

Невзирая на лица. Она решила, что пора отдохнуть, позагорать, покупаться. Мысль согревала.

Цокая шпильками, она переделалась в розовый атласный халатик, сменила туфли на домашние, но тоже на шпильке, и принялась расчесываться. У нее были длинные вьющиеся волосы. Она была симпатична. Маленького роста, но при этом с уверенными приятными формами. Везде. Она улыбнулась мыслям, приподняла грудь,правила складки халатика, разглаживая на бедрах, и, продолжая улыбаться, прислушалась к гнусавому голосу: Гена что-то мычал не раскрывая рта, изображал пение.

Встряхнув волосы, она вошла в зал. Стереосистема призывно поманила огнями. Будучи женщиной слабой, она не устояла и подошла. Повертела новый диск без опознавательных знаков и вставила в дисководиз привычного любопытства. Пока шел текст, она машинально накручивала локон на палец. Послушав немного музыку после такого важного правительственного сообщения, она остановила запись и услышала шаги.

Алла успела развернуться и улыбнуться с закрытыми глазами. Она подняла и развела руки, зная, что халатик при этом обнажает внутренние части бедер.

– Что слушаешь? – проговорил Зеленый, отрываясь от ее губ.

– Не успела, – и она снова подставила губы, не открывая глаз.

– Где ходила?

– Со Светкой по чашке кофе выпили. Тебя-то нет все время.

– Как нет, а это что, – Зеленый прижал ее покрепче.

– Слушай, Махонин, – она любила переставлять ударение в его фамилии на финский манер, подчеркивая его печальную малоразговорчивость, – поехали на море! В Турцию или еще куда... На море, короче! Я помираю в этом городе, а ты достал своей кипучей деятельностью. Люди и так много пьют... Поехали, Гена, наскирдовал ведь уже трудовых?

Зеленый молчал, определяясь со словами.

– Махонин, – не отставала Алла похлопывая его по ляжке, – продолжаю допрос третьей степени: капуста нарубил? – Она повисла у него на шее, обхватив скрещенными ногами. – Поехали, кости загаром прикроешь!

– Я пока не знаю. Есть еще пара дел. Надо бы закончить.

– Опять! Гена!

– Ну, подожди чуть-чуть. Максимум неделю, две. Мне, может, придется отъехать ненадолго.

– Я тебя сейчас тресну, и ты у меня отъедешь!

Алла расплела ноги и оттолкнула Зеленого. Она надула губки, залезла на диван и оцетинилась шпильками туфлей.

– Не подползай, – пресекла она попытку. – Крокодил Гена. Плоский и зеленый.

Алла сняла трубку телефона и поклацала кнопками:

– Светка, привет. Как дела? Прямо и спросить нельзя...

Доехала? Давай посидим завтра днем где-нибудь, пообщаемся. Ты как? Ну, я позвоню с работы. – Она бросила взгляд на Зеленого. – Из дома нельзя... Есть дельце... Не умрешь, жди.

Зеленый вздохнул и от незнания как подступиться к Алле включил телевизор.

Посмотрев на экран, повествующий новостные страшилки, и ничего не придумав, вышел в коридор, достал из кармана плаща мобильный телефон, набрал номер и проговорил в трубку, прикрывая ее ладонью:

– Але, слышь, Тубус, ты где? Что?!.. – повысил он голос. – Где? Подожди меня там. Сможешь? Я сейчас подъеду.

Алла возникла в проеме двери и медленно помахала ручкой.

Зеленый решил ехать на такси. Черный «Бумер» был хоть и рядом, но стоял на приколе у дома. Машина откровенно барахлила, семафоря индикаторами на панели приборов, одновременно пытаясь что-то сообщить длинными забубенными немецкими словами. Выбраться на сервис было некогда. Точнее, Зеленый подбирал новую машину, классом повыше. Как говорить, на заработанные можно позволить.

Ехали в центр, на Таганку, против общего вечернего исхода из города, потому добрались быстро. Зеленый расплатился с говорливым бомбилей и двинулся к летнему павильону с полупрозрачными полиэтиленовыми, трепыхающимися, как полотнища, окнами. Кафе располагалось на газо-

не, вытянутое вдоль пустеющего тротуара.

Внутри струился неяркий свет редких светильников с ядовито-желтыми абажурами под потолком. Освещалась стойка бара и два десятка зеленых пластмассовых столиков со стульями. Чувствовалась камерность обстановки, вроде затишья перед бурей. Когда становится неестественно тихо.

Посетителей практически не было. Их, наверное, отпугивала фигура коренастого громилы с явными признаками отсутствия интеллекта, согнувшегося над столом в углу зала. На рабочей поверхности стола скопилось около десятка опустошенных стаканов. Невдалеке переминался официант с бесстрастным лицом, осматривающий дальние углы заведения. Видно, переживал по поводу стаканов.

Зеленый подсел к Тубусу. Увидев, что новый гость остался жив, официант приблизился, с явной опаской поглядывая на засидевшегося посетителя.

– Вы будете платить? – осведомился он, наклоняясь со счетом в руках над осовелым громилкой.

– Чего? Опять? – встрепнулся тот. – Ты что-то сказал или мне слышалось?

– С вас...

– Сейчас, – оборвал официанта Тубус, посмотрев ему под ноги. – Сейчас. Поищем, – обнадеживающе добавил он, и принялся шарить по карманам черной кожаной куртки. – Куда, к черту, все подевалось?

Официант героически ждал, молча смотря в сторону ба-

ра. Поддержка отсутствовала. Бармен отлучился по неотложным делам.

– Сейчас, – вновь бросил громила и выдал на-гора пистолет, достав откуда-то из-за пояса. Он положил ствол на стол и продолжил безуспешные поиски.

– Я, наверное, попозже подойду, – пробормотал официант, держащий стол в поле зрения. Он сделал озабоченное лицо, отметив в воздухе движением указательного пальца видимые одному ему точки. Как бы припоминая дела. И, пятясь, отправился на поиски бармена.

Зеленый оценил обстановку, быстро поднялся и, догнав официанта, сунул тому в руку несколько купюр. Официант с заметным облегчением отдал счет и поспешно ретировался за стойку. Вероятно, чувствуя себя там как в окопе.

Громила из партера исподлобья наблюдал за действующими лицами.

– Садись, – махнул он Зеленому рукой.

Зеленый вернулся за стол.

– Мда, – буркнул Тубус, – ты кто такой? Первый раз тебя вижу.

– Здесь.

– Что ты сказал? – с угрозой спросил громила.

– Здесь первый раз видишь, Тубус. Я тебе звонил только что. Мне нужен Плешивый, – последние слова Зеленый прошептал, наклонясь к собеседнику. – Ты не знаешь, он в Москве?

– Так это ты звонил? – Тубус похлопал глазами, сфокусировался на Зеленом и поманил его пальцем еще ближе. Уставившись на лежащий на столе пистолет, просипел: – Плешивый всем нужен.

После такого напряжения, выпятив нижнюю губу, откинулся на стул, покачивая головой в подтверждение сказанного.

– Интересно, куда деньги подевались? Работы нет, – пояснил он Зеленому и, подвинув локтем пистолет, брякнул рядом наручники.

Пошарив в многочисленных карманах еще, вслед за горкой золотых коронок, достал черный шелковый шнур.

– Ага, – обрадовался найденной вещи. – Специализируюсь, – добродушно добавил он и поводит в воздухе руками, растопырив пальцы.

– Чего? – не понял Зеленый.

– Работа такая, – сказал Тубус и попытался дотянуться руками до шеи собеседника.

Зеленого сразу осенило, и он деликатно остановил Тубуса.

– Никого не надо? – спросил Тубус.

Зеленый потер шею рукой и мотнул головой:

– Не сейчас!

– Безработица, – вздохнул Тубус и стал собирать арсенал со стола. – Надеюсь, временная. Плешивый бывает на «Корабле». Работа будет, приходи. Телефон знаешь, вроде.

Поднимаясь, Зеленый встретился с затравленными глаза-

ми официанта, выглядывающего из-за барного бруствера. Не обращая внимание на гамму переживаний на его лице, Зеленый покинул заведение.

Его самого ожидала не самая лучшая встреча дома, если Алла, конечно, не легла спать, наказав за невнимание.

Глава 2

Злостный маньяк-алиментщик

Пока лязгающий от натуги, сопряженной с ветхой старостью, тускло освещенный лифт взбирался на девятый, последний этаж, Брюховец ожесточенно рылся в карманах.

На лестничной площадке на подоконнике стояла плошка полная окурков и пепла. Соседи курили, не слушаясь увещеваний и угроз капитана полиции Брюховца. Хотя он и хлопывал о ладонь, придавая весомости словам, служебным удостоверением.

Ключи нашлись после минутного стояния у порога квартиры. Завалились за подкладку.

Отомкнув запоры железной двери, он вошел в коридор, при всей своей узости оставляющий впечатление склада забытых с зимы вещей. Юркнул в свою комнату, распахнул дверь в другую и заскочил на кухню. Жуя котлету, извлеченную по пути из сковороды на плите, он деликатно постучал в ванную, заканчивая осмотр недвижимости.

Тетки нигде не было.

В общем-то это была тетка бывшей жены, с которой они расстались уже как три года. Жена подалась в Америку, однажды, внезапно для них, то есть и для собственной тетки, уехав. Американца же подцепила в Москве. Это единствен-

ное пятно, которое смогло серьезно подпортить Брюховцу существование. В остальном, будучи записным оптимистом, полотно жизни он считал светлым.

Жена ходила вечерами на курсы английского языка, а, оказалось, встречалась с претендентами, сосватанными брачным агентством. А потом сгинула вместе со всеми вещами. Она, наверное, и мебель бы вывезла, но та была неподъемно громоздкой и к тому же теткиной, как и квартира, в которой они жили. Или, точнее, прижились. Жена тоже не была москвичкой, и сначала обрадовала тетку сама, а потом и мужа, то есть Брюховца, привела в нагрузку.

Тетка не роптала. Старой закалки человек. Восемьдесят скоро, скрючило всю. Но была человеком доброй души. Семьи у нее за коммунистической активностью в годы производственной допенсионной деятельности не случилось, так что она даже обрадовалась, надеясь на появление в доме детей.

Но иметь детей жена отказывалась. Приводимые аргументы, которыми она оскорбляла Брюховца, задевали его мужское достоинство. Она и фамилию менять отказалась, словно к разводу начала готовиться со свадьбы.

Так и прожили два года втроем. А потом стали жить вдвоем. Жена позвонила только однажды. Сказала, чтоб не беспокоились. Обещала помогать. Тетка в ответ попросила сначала вернуть кое-какие вещи. С тех пор контакты бывших родственников не возобновлялись.

Деньги тетка брала только на хозяйство. Так что семейно жили...

Брюховец выудил из подливки еще одну котлету. Аккуратно, стараясь не капнуть соусом, положил на хлеб и пошел к себе.

Комната, после захламленного коридора, отличалась спартанской обстановкой. Раскладной диван, постоянно пребывающий в плоскостном состоянии, напротив – рыжий платяной шкаф прошлого века, у окна – приземистый письменный стол, на подоконнике – музыкальный центр. Угол за дверью представлял собой ящик Пандоры. Там торчали две пары лыж с палками, но без креплений, а под ними – бесформенная груда: ботинки, мячи, ракетки теннисные и бадминтонные, коробки... Стены угла и дверь изнутри оклеены плакатами, изображающими суперменов разного разлива. Был даже человек-паук, бесстрашно зависший в высоте. Место выглядело подходящим для охоты на мух.

Брюховец быстро собрал сумку с гражданской одеждой – брюки, рубашка, легкий свитер. Подсел к столу и набросал записку для отсутствующей тетки. Полагалось предупредить, так как та переживала за зятя, как говорила по-родственному. Он перечитал написанное, наморщив лоб, и, взяв записку, вышел в коридор. Положил клочок бумаги на пол у двери. Оценивающе посмотрел на вход, потом на записку, отворил дверь и, сгорбясь, вернулся, имитируя ковыляющую походку тетки. Он потоптался на месте, не разгибаясь,

и передвинул бумажку поближе к обуви. Удовлетворенно хмыкнул, разогнулся, и уже удалялся в свою комнату, как его застал врасплох резкий басок:

– Куда это ты намылился? – голос был неестественно молод, времен задорных первых пятилеток, и разительно контрастировал с тщедушным сморщенно-скрюченным теткинским видом.

Она разглядывала удачно размещенную записку.

– Таисия Петровна, я – на задание!

– Какие там задания тебе?.. Лучше б ты в ГАИ устроилась! Все ж заработнее, – проявив осведомленность в реалиях полицейских буден, продолжила привычные нотации тетка, снимая с помощью Брюховца демисезонный плащ.

– Таисия Петровна, это теперь – ГИБДД. И потом – оклад у них ниже!

Тетка аж распрямилась, силясь посмотреть в неразумные глаза. Неопределенно промычала что-то, видимо, плохое и ушла в свою комнату, покачивая головой. Оттуда донеслось саркастическое: «большие перемены», а затем несколько раз – «оклад».

– А вы куда ходили, Таисия Петровна? В поликлинику?

– На массаж, – слышалось из комнаты.

Тетка некогда закончила полиграфический институт, числила себя работником культуры, но, тем не менее, щеголяла подобными перлами, включая «гинекологическое дерево», не гнушалась и «полувера». До «тубаретки», правда, не опус-

калась.

– Ночевать, значит, не будешь? – возобновила разговор скрывшаяся тетка.

– Возможно, не приду.

– Хоть бы девку какую нашел себе.

– Таисия Петровна, я – на операцию.

Дверь приоткрылась, обозначая вопрос.

– На задание! Я же говорил. То есть – писал.

– А что, ты возвращаешься там среди одних мужиков, что ли? – тетка появилась в коридоре в байковом домашнем халате. – Куда идешь-то? Зачем?

– Вам что – на доклад надо?

– Точно говорю, в ГАИ тебе надо. Совсем мозгов нет, – тетка покачала головой. – Как они там тебя держат? Я же должна знать? Волнуюсь я.

– Не надо волноваться, – успокаивающим тоном сказал Брюховец. – Я буду звонить, если что. – Тему он решил не развивать и просигнализировал часами. – Опаздываю.

Удаляясь с сумкой под причитания тетки о невзятом зонте и будущей язве с такой работой, он размышлял над вопросом, не завербована ли тетка комитетом. Дабы из первых рук узнавать о всех горячих делах управления, в которые Брюховец посвящен. Шеф давал установку на бдительность недавно.

Служебный кабинет оперуполномоченный Брюховец делил с тремя коллегами.

Сейчас в нем наличествовал собственно один вышеупомянутый имярек. С трудом вынося муку ожидания прихода старшего оперуполномоченного Коротких, он молодым львом в клетке метался по проходу между столами от окна к двери и обратно.

Невысокого роста с длинными руками, Брюховец нервно поправлял портупею, внезапно останавливался и имитировал хлесткие удары ребром ладони по огромному несгораемому шкафу, помещенному посередине кабинета у стены. После каждого выпада подтягивал форменные штаны. Китель был расстегнут, фуражку он снял в самом начале жесткой тренировки, выпавшей на долю многострадального шкафа, обвешанного черно-белыми фотороботами и ксерокопиями фотографий преступников с описанием.

Висело там и его фото. Снабженное жирным подзаголовком: «Их разыскивает полиция» и предостережением огромными буквами: «ЗЛОСТНЫЙ МАНЬЯК-АЛИМЕНТЩИК». Сегодня Брюховец еще не заметил творчество товарищей, неизменно возвращаемое ими на место при каждом удобном случае.

Стоя вполоборота к сейфу, лучший оперативник всех времен и народов, почетный деятель уголовного розыска, а по нечетным оперуполномоченный Эдуард Клавдиевич Брюховец медленно, вразвалку, покачивая плечами, в очередной раз дошел по окна, выхватил пистолет и пальнул в мишень от «дартса», висящую на входной двери. Медленно довора-

чиваясь лицом к двери, он принял стойку, держа пистолет двумя руками стволом вниз. Затем молниеносно прицелился и снова выстрелил. Немного отклонясь корпусом назад, вызывающе дернул подбородком в сторону мишени, приглашая к поединку.

Дверь открылась, и появилась безмятежная физиономия Коротких. Реакция у него оказалась отменной: он живо отпрыгнул в коридор.

– Ты что сдурел, кретин? – вопрос прозвучал через дверь.

– Входи, входи, я тут тренируюсь, – Брюховец расправил плечи.

Коротких рискнул последовать предложению. Он оказался рослым здоровяком с лопатообразными ручищами, свисающими по бокам внушительного туловища.

– Ты спятил, Эдуард?! Ты меня чуть не убил! – Коротких оглянулся на мишень. – Кто это сюда повесил? Я же говорил: на стену.

– Успокойся, Василий!.. Я стреляю холостыми, – довольно прибавил Брюховец.

– Зачем тогда вообще стрелять? Копоть поднял. Собирайся, надежда управления. – Коротких присел на скрипнувший от тяжести принятого веса стол. – Пойдем к начальству. Там отстреливаться будешь.

– Что новое дельце? – Брюховец вновь извлек пистолет и перебросил из руки в руку. – Бэзил?! – щегольнул он знанием имени Коротких на английском.

– Там узнаешь.

В кабинет, изучая пол, забрел третий сожитель – Петя Бережной. Среднего роста, плотно сбитый мужчина. Отчетливо была видна широко наметившаяся плешь на макушке его чернявой головы. Похоже, он шел по чьим-то следам.

– А, вы тут уже, – показал унылое лицо плешивый брюнет. – А я вас ищу, – огорчился он окончательно.

– А мы думали ты копейку потерял, – хохотнул Брюховец и присел на подоконник. – Заходи, Петруччио, – перешел многогранный опер на итальянский, – где ты ходишь? Сейчас должен Лева вернуться! – обрадовал он. – В домино сбаваем. Скрестим шпаги!

Последняя фраза относилась к Коротких, который не внял предложению.

– Петя, бумаги у тебя на столе. Протоколы я заполнил. Пусть Лева тоже просмотрит и отнесет по инстанции. Пошли, Эдвард! – Коротких поймал руку Брюховца и вложил пистолет в кобуру. – Мы – к начальству. Брюховца на представление к ордену веду.

– Посмертно?.. – спросил, не поднимая глаз, Петя. – Будете-то скоро? Что Леве сказать?

– Вернемся – сыграем, пусть тренируется, – моментально посоветовал Брюховец. – Руки там разминает и все такое...

– Где – там, уточни?

Коротких прервал зарождение пикировки:

– Не сейчас.

В комнату быстро вошел последний обитатель, розовощекий блондин с моржовыми, цвета спелой пшеницы, густыми щетинистыми усами. Оперативный квартет был в полном сборе.

Подойдя к шкафу, Лева первым делом проверил наличие призыва к поимке рецидивиста Брюховца.

– О, Лева! Ну что, коротенько?!.. – потер руки безуспешно разыскиваемый маньяк-алиментщик и спрыгнул с насеста. – Петя, доставай!

Ленивый Петя, уже оценивший гору бумаги, оставленной к переработке Коротких, не заставляя себя упрашивать, тренированным жестом фокусника извлек из тумбочки черную продолговатую коробочку домино.

Лева прошел к своему столу и резким рывком выдернул из стакана, использовавшегося в виде морга для исписанных авторучек, короткую стрелу для дартса и задумчиво воззрился на Коротких, ожидая разрешения ситуации.

– Мы с Брюховцом по делу... И перевесьте мишень на стену, я говорю. Глаза кому-нибудь выколите! Пошли, Рэмбо! Без вещей. Сумку брать не надо, – Коротких пропустил вперед, двинувшегося развинченной походкой Брюховца, которому Петя подчеркнуто подобострастно подал фуражку.

Новая информация по управлению обычно разносилась быстро. Личный оперативный состав начинал оперативно чехлиться, готовясь к выездам. Но в данном случае – Лева с Петей переглянулись, – оставленные в неведении оператив-

ники ничего не знали. Так что пришлось подступить к бумажной работе. Петя, решив все предварительно обмозговать и напитать серые клеточки микроэлементами, вскрыл свой стол, выдвинул ящик и достал целлофановый пакет с бутербродами.

– Правильно, война – войной, а обед – по расписанию.

Что, не доели тараканы?

– Я их протравлю, гадов, – Петя впился зубами в бутерброд. – Питаться надо регулярно, – выдал он, пережевывая пищу.

– Правильно. Ешь чаще, но больше!

Не в силах ответить, Петя покивал, достал с полки кружку с изображением щита и меча, озабоченно всмотрелся внутрь, поколебался и все же вылил остатки бурой жидкости в горшок с кактусом, скромно прилепившийся в уголке широкого подоконника.

– Коротких узнает, станет буйным, – констатировал Лева.

– А как он узнает?

– Недоброжелателей полно у каждого человека. Ты помнишь, как он за Палычем гонялся, пока тот не заперся в туалете? – Лева фыркнул.

– А что такое? Чего это? – обеспокоился Петя.

– А ты не знаешь?! Палыч вылил в горшок сто грамм метилового спирта. Для опытов... Алхимик хренов! Криминалист же, – добавил оценку Лева. – Этот кактус аж обмяк, и иголки стали не колючие. Но ничего, смотри – держится.

Опять распушился, – он осторожно потрогал пальцем растение. – Аклимался!

Петя поколупал пальцем в земле, приминая чайники.

– Это может, ему полезно? Сколько витаминов. А когда это было?

– Весной.

Петя пожалел о своем отсутствии:

– Я в госпитале лежал.

– Палыч потом неделю прятался по закоулкам.

– Вечно он учудит что-нибудь!

– Да, битому нейметя...

– Василий, значит, сильно разозлился? – осторожно поинтересовался Петя.

– Вот чудак-человек, я ж тебе рассказываю. Не убил чуть Палыча. Та ты же знаешь – для Коротких этот кактус дороже коллеги по совместной борьбе с криминалом. Не знаю, как он к детям своим относится, но за колючку эту придушит.

– Ладно, не пугай, – Петя выбросил целлофан от нервно уничтоженных бутербродов в корзину и углубился в ворох бумаг.

Придал импульс пытливым умам приснопамятный Палыч, оживив унылую атмосферу документарных разработок. С сигаретой в зубах заклятый друг, эксперт-криминалист картинно материализовался в проеме и с демонским видом оглядел оперов. Те приготовились в ожидании.

– Могу сообщить, – попрошу внимания, – что возникла

серьезная, подчеркиваю, серьезнейшая, оперативная необходимость бросить все лучшие кадры управления на борьбу с преступностью...

– Наконец-то, – лукаво обрадовался Лева.

– ...на выезде! – эффектно окончил сообщение Палыч и отбросил жидкий чубчик с высокого лба.

Лева с Петей переглянулись и без сожаления отложили изучаемые материалы. Петя же перед приходом криминалиста, шевеля бровями, перелистывал Уголовный кодекс, ища подходящую статью для первого подозреваемого. Что Палыч тут же отметил предположением, что он ищет ее для себя.

Моторный Лева, как всегда, включился первым:

– Так, вошел и объяснился. Что ты знаешь?.. Кстати, по поводу лучших кадров могу встречно, в порядке обмена, проинформировать, что даже Брюховец брошен на задание, что способно поколебать этот тезис. Или ты только себя имел в виду?.. Но мы готовы присоединиться. Правда, Петя?

Петя помолчал и, выдержав паузу, враждебно посмотрел на Палыча.

– Я вижу, что ты недоволен, – Палыч прицелился двумя, сложенными вместе, пальцами и сощурил глаз.

– Ты, Палыч, не обращай на Петю внимания. Он опасается нерегулярности питания при выполнении розыскных мероприятий. Отбрасываю мысль, что он обиделся на коллегу за предположение о поиске для себя уголовной статьи. Это, безусловно, не в правилах душевного Петра Петровича. Воз-

вращаясь же к возможному отъезду, хочу отметить, что нам-то не привыкать, – Лева обозначил родство с Палычем, подмигнув.

После этого пружинисто подскочил с места, напористо pokrыл расстояние до напрягшегося Палыча и ткнул того кулаком в грудь. Они изобразили легкую борьбу.

– Вам бы только развлекаться, – обронил Петя, угрюмо наблюдая короткую схватку.

– Петя, смотри на это, как на неизбежность, работать-то надо, и не только в четырех стенах, – попытался успокоить его слегка запыхавшийся Палыч. – Хоть развеешься от своей пыли!

Спарринг-партнеры вернулись и осмотрели коллегу на предмет запыленности. Петя попытался дотянуться через стол до товарищей, но безуспешно. Лева с Палычем уселись на подоконник и закурили.

Петя собрался, наконец, для нанесения ответного удара, что выразилось в легкой улыбке. Но начал он знакомым удрученным голосом:

– Теперь понятно, чего ты так радуешься...

– Ой, не надо, не надо!.. – попытался упредить нападение Палыч.

– Экскременты надоело изучать, – победно выдал Петя и скорбно вздохнул.

Неизвестно, над чьей судьбой – Палыча или своей – он печалился больше.

– А что, правда, что наш дурачок, тоже в работе? – осведомился Палыч у Левы через плечо. Он слез с подоконника, подцепил дротик из настольного канцелярского прибора и теперь метился в мишень на двери.

– Ох, не любишь ты Василия Сергеевича. Даже непонятно за что? А ведь он так добр к вашему брату криминалисту! Жалеет вас, убогих, – огорченно посожалел Лева, покачивая головой в знак неверия в реальность подобного развития событий и распушил усы в предвкушении реакции.

Палыч остановил бросок в точке отрыва дротика от пальцев:

– Это провокация! Попрошу занести это в протокол.

Лева тут же предложил Пете взяться за эту работу. Тот тут же нарочито пододвинул к себе лист бумаги.

– Я с большой, товарищеской, дружеской симпатией, – пошел по нарастающей Палыч, которого, похоже, тема взволновала, – отношусь к геноссе Коротких. Так что эту грязную выходку и происки недоброжелателей, желающих посеять и тому подобное, и на этом, так сказать, подняться, я бы заклеимил... – Палыч соревновался слевой в перегруженности предложений и витиеватости спича. – И попросил бы не вбивать клин, и не растаскивать, а также не передергивать. Все знают, – здесь Палыч обратился за помощью даже к Пете, – как я уважаю Василия Сергеевича!

Дав отповедь, Палыч снова прицелился, посчитав тему исчерпанной.

Но надеждыоказались преждевременными. В лучах интереса коллеги Лева одобрительно продолжил:

– Молодец, Палыч! Даже после того случая! Доброе сердце у тебя. Просто молодец, ничего не могу сказать...

Палыч вновь не смог исполнить бросок и дозированно взорвался:

– Какого такого случая?!.. Не было никакого случая. И все!

– Ну, мы не знаем, общественность, я имею в виду, что там было, то есть происходило, у вас, там, в туалете... Это когда тебя не было, – предельно участливо добавил Лева для млеющего Пети, – в нашем крыле.

Злопамятный Петя лыбился от удовольствия.

Палыч аж покраснел от возмущения:

– А ничего в туалете не было, и не могло быть. Он туда не попал!

– Ну, на этот счет есть разные сведения, – измывался Лева, ероша усы.

– И долго же ты там сидел? – дружелюбно спросил Петя. – Экскременты поди изучал?

– Эх, Петя, Петя, я-то тебя всегда держал за достойного, вменяемого сослуживца... И ты туда же! Подумаешь, какой-то кактус! Вон он стоит! Полстакана спирту всего... А он, смотри, только крепче, я бы сказал, забористее стал. Можно так выразиться, стал совершеннолетним. Наливать ему теперь можно.

– Так ты, значит, камрада Брюховца имел в виду? – фальшиво догадался Лева. – А он к тебе до сих пор относился с нескрываемым уважением. Окурки найденные приносил, и все такое... Весь мусор...

– Пошли вы! – Палыч в сердцах, не целясь, метнул дротик и пошел к двери.

– Мазила, – констатировал Лева. – Даже не пытайся переставить. Я отсюда вижу.

Петя раскачивался на стуле, явно настроившись на долгую и желанную экзекуцию криминалиста.

– Мишень перевесьте, а то покалечите кого-нибудь. Я пошел.

– Может в домино сыграем? – бросил в последней надежде Петя.

– С вами играть – себя не уважать. Мухлевщики! Камни у вас крапленые.

Лева понял, что Палыч сейчас таки уйдет, хоть и поверженным, но не раскрывшимся, и решил спросить напрямую:

– Так что ты знаешь, какое дело, о чем хотел нам поведать?..

Но криминалист, промолчав, отмахнулся и удалился, хлопнув дверью.

– Смотри, какая-то сволочь что-то ему наболтала. Про домино, – огорчился Петя от потери верного мальчика для битья.

– Ушел, гад, не дал положительным эмоциям разгуляться, – поскорбел Лева. – Неужели и правда выдвигаться будем, интересно? Пойду я в отдел к начальству.

– К Валере? – задумчиво уточнил Петя, с тоской рассматривая кипу бумаг на столе.

– Позондирую его. Неглубоко. Если он здесь. Держи тут круговую оборону!

Петя кивнул и молча углубился в перекладывание листков по разным стопкам. Он шевелил губами, отсчитывая число проделанных пассов. До конца рабочего дня оставалось немного, глядишь все и закончится спокойно.

Конечно, было более чем непонятно, отчего именно Брюховца повел на инструктаж Коротких... Какое еще дело?... Нехватает им материалов, и так девать некуда...

Брюховец же был так взбудоражен неожиданными перспективами операции, совмещенной в его воспаленном воображении с лихими захватами, не исключаящими погонь, – а там и до стрельб недалеко, – что вприпрыжку торопился на встречу с информатором.

Сумка, уже с формой, была при нем. Теперь стало понятно, зачем Коротких посылал домой за гражданской одеждой. Переоделся Брюховец в туалете. Куда Лева, ёрничая, предложил позвать Палыча, как завсегдатая. И знатока экскрементов, как добавил Петя.

Брюховец на все лады думал о таинственном новом деле: преследовании мутных криминальных фигур со странными

кликками – Плешивый и Зеленый.

Задание следить напарники Коротких и Брюховец получили от непосредственного начальника их отдела – мрачного Валеры, вечно отсутствующего в управлении из-за постоянных отлучек по связям с законспирированными агентами.

От возбуждения Брюховец не обращал внимания на мелкий дождь и встречных прохожих, – не исключая, что для него было не характерно, женского пола, – бодро идя от метро, углубляясь в квартал тихого центра, неподалеку от Таганской площади.

Раздуваясь от гордости за оказанное доверие – у Коротких оказалось иное важное мероприятие, -он мысленно прокручивал вводную часть сценария предстоящего разговора с агентом, который странно мычал в телефон, явно находясь под парами алкоголя.

Пьяный Тубус неожиданно удивился такому устойчивому интересу к персоне Плешивого. Какой-то полудурок уже интересовался им сегодня, прямо-таки недавно. Странно, безусловно...

Дождь усилился. Но он не мог помешать опасной работе опытногосыскаря.

Глава 3

Кораблекрушение

День прошел в суете. Планировалась большая поставка. Зеленый готовил накладные на провоз товара и договаривался с потребителями. На случай своего отсутствия.

Вечер накануне и утро ознаменовались заговором молчания со стороны Аллы, и об этом вспоминать не хотелось. Завтракали чаем в гробовой тишине.

Зеленый по жизни предпочитал не заикливаться на всем, что ему не нравилось. Машину утром, однако, пришлось гнать на сервис самому, что ранее он хотел спихнуть на Аллу. Это была реальность, от которой отмахнуться не получалось. Надежда, правда, что она ее заберет после ремонта, все же не терялась. А дальше беготня пошла по нарастающей. Как день начался, так он и продолжился. Пришлось объехать несколько рынков, где торговали основные его потребители и откуда левая водка расплзалась по магазинам прямиком к страждущим.

Вечером встретились у готического серого здания ЦУМа. Валера поменял дислокацию. Чем-то недовольный, он всю дорогу гудел, совмещая поездку с инструктажом.

Остановились, немного не доезжая трехэтажного здания из раскрашенного в синий цвет бетона с большими непро-

зрачными окнами, забранными металлическими переплетами. Постройка смахивала на офис и была возведена прямо на набережной Москва-реки к югу от центра в промзоне.

«Корабль» крепко сел на мель, пришвартованный к берегу. В плавание уйти он не мог, но подсвечивался разноцветными гроздьями гирлянд, которые свисали с крыши для создания настроения у уходящих в разгул гостей. Огни красиво переливались, освещая грязную воду, и отражались в ней вторично, изломанные легкой рябью.

—

Собираются только свои, — проинформировал Валера. — На стриптиз, в основном. Крышуют заведение «Лунные». Ментам местным, правда, тоже приплачивают. Чтоб пожарники не доставали, — хмыкнул он. — Давай, действуй. Твой выход.

— А ты не пойдешь?

— Мне нельзя. Дави на то, что нужно действовать быстро. Времени на раздумья нет. Иди!

— Вечеринка в самом разгаре, — улыбнулся Зеленый.

— Давай, вали, — мрачно посоветовал Валера. — На шесте не крутись... Можешь привлечь внимание.

— Главное, облав не проводите.

— Себя береги.

Такси уехало. Зеленый посмотрел вслед, пока машина не завернула за поворот.

Он не мог видеть, скрывшихся за трансформаторной

будкой на обочине дороги Коротких и Брюховца, стоически мерзших на дежурстве. Валера начальственно кивнул подчиненным, словно досылая патрон в патронник, и те рысцой-метнулись к причалу «Корабля».

Поеживаясь от свежего сырого ветра, Зеленый миновал двух охранников, подошел к массивной двери. Швейцар в военизированной шинели и фуражке с кокардой, из-под околыша которой торчал заливчатый чуб, угодливо распахнул дверь перед посетителем.

По сторонам небольшого холла, сквозь широкие проемы, обрамленные болотного цвета портьерами, виднелись накрытые столы с кулками крахмальных салфеток между приборами. Обозначенная под ступеньками красными огоньками, лестница-трап вела наверх. К Зеленому подскочила девушка в голубом кимоно с огнедышащими драконами, держа в руках кожаную папку с меню.

– Желаете в ресторан? – попыталась угадать «японка», готовясь предложить папку к рассмотрению.

– Нет, я поднимусь в клуб.

– Пожалуйста, проходите. Выступление уже началось, – она призывно изогнулась в сторону лестницы.

На следующем уровне располагалось казино. Подпольное, естественно, хотя и поместилось на втором этаже. Зеленый одолел еще два лестничных марша и оказался на площадке, заставленной креслами. Охранник угнезвился за небольшой деревянной кафедрой, и похоже тешил себя компьютерной

игрой. Зеленый толкнул окованную железом дверь и ступил внутрь.

На него обрушилась громкая, сотрясающая внутренности, музыка и плотный, пропитанный сигаретными миазмами, осязаемый горячий воздух. Атмосфера чувствовалась распаленной.

Разделенный колоннами и легкими решетчатыми перегородками на несколько зон, ночной клуб занимал все пространство этажа. В центре было единственное хорошо освещенное место. Танцевальный пятак охватывал круглый подиум с металлическим шестом, который обхватила бедрами слегка одетая длинноногая девица в туфлях на огромной прозрачной подошве. Она томно стягивала длинную как чулок черную перчатку в такт ритмично вспыхивающим разноцветным софитам. Второй перчатки она уже лишилась. Программа действительно началась.

Танцующих не наблюдалось. Часть столиков была занята. Публика выглядела достаточно разношерстной. Перед эстрадой выделялась компания солидных мужчин в темных костюмах и галстуках, заинтересованно созерцавшая стриптиз.

Вдалеке, у стойки бара, восседало на высоких стульях несколько мужчин и женщин. Они посматривали на огромный настенный телевизор, на экране которого со знанием дела мутузили друг друга два темнокожих боксера. Один из смотрящих за финальной частью избияния спортсмена в смешных розовых трусах с длинной бахромой был абсолют-

но лыс. Или выбрит.

Зеленый просочился извилистой тропой между столиками к стойке бара. Заказал джин-тоник, взобрался на свободный табурет рядом с лысым и начал заговорщически озираться.

Наконец, он решился, посчитав момент удачным, и обратился к лишенному растительности соседу, делавшему вид, что он увлечен боксом:

– Как дела, Плешивый?

Плешивый резко повернулся, словно ждал вопроса. Повел хрящеватым носом с горбинкой и ощупал Зеленого взглядом хитрых зеленых глаз. Ресницы у него были очень редкие и какие-то белесые. Так что только брови на его гладко выбритом лице держали последнюю видимую оборону. В его лице и даже позе просквозило барское пренебрежение. Откинув блестящий мослатый череп назад, он бросил:

– А, это ты, Зеленый? Да, знаешь, сначала было неплохо...

– Плешивый закурил с помощью бармена, – а потом так и осталось. А что?..

Зеленый с готовностью улыбнулся, понимающе закивал головой:

– Дело есть. Миллиона на три, – прошептал он. – Долларов.

Плешивый затянулся. Зеленый наблюдал за его кистью с длинными пальцами, оканчивающимися гладко отполированными ногтями. Мизинец он отводил в сторону.

– А я думал – рублей. Суетишься, Зеленый. На жизнь не хватает? Михуй! – окликнул он пухлого бармена. – Поставь две, завтра, на шестого. Семь к трем.

Бармен подобострастно кивнул, пометил что-то в блокноте и вернулся к протирке стаканов. Боясь оставить их своим попечением.

Коротких и Брюховец, оба жмурясь, – Коротких от мерцания огней, а Брюховец от вида полураздетой, если не полуголой, девицы, – прошли наискосок через зал и, выбрав местечко потемнее, пали в глубокие кресла, посчитав их удобным наблюдательным пунктом.

Брюховец, правда, заметно нервничал: с его ракурса разоблачение актрисы было видно плоховато, обзор закрывала колонна, приходилось высовываться вперед. Мешал и пестрый шарф, которым сыскник замотался до бровей. Но чего не сделаешь ради конспирации. Тем более, что нужно было скрыть от напарника синяки на шее, оставленные крепкими пальцами Тубуса. Брюховец не сразу сообразил, какие навыки собирается продемонстрировать информатор.

– Чего это ты ко мне обратился? Тут от трех миллионов мало кто откажется, – Плешивый обвел рукой зал, и посетители мгновенно перестали смотреть на них.

– О твоём везении ходят легенды, – сказал Зеленый.

– Даже в полиции? – рассмеялся Плешивый. – Шучу, шучу, – и он мотнул головой, приглашая Зеленого за собой.

Они сели за столик недалеко от стойки, за которым кунял

полусонный старик с флегматичным выражением лица.

– Смотри-ка, сегодня рано откинулся, – отметил Плешивый.

Коротких,удовлетворенный увиденным контактом, короткой фразой,сказанной одним углом рта, отправил Брюховца в отрыв с важным сообщением руководству.

Со стороны это выглядело забавно. Неизвестный шпионской наружности, – а Брюховец несмотря на вялые протесты Коротких прилежно заgrimировался шарфом,– выскочил из-за углового столика. Закрывая дополнительно лицо рукой и пригибаясь как под обстрелом, он зигзагами помелся к выходу.

Несмотря на все предосторожности, на него никто из зрителей разогревающегося шоу не обратил никакого внимания.

Только метрдотель с интересом посмотрел на его эволюции, махнул рукой и за Брюховцом побежал бородатый коротышка.

Гораздо позже мы узнаем, что за личность это была...

Выскочив на улицу, Брюховец рванул к таксофону на углу темного проулка, перпендикулярно отходящего от набережной. Он снял трубку для вящего затуманивания своих действий, достал из кармана сотовый телефон и прохрипел в обамикрофона:

– Плешивый и Зеленый... Понял... Мы на чеку... Есть!

Он повесил трубку телефонного автомата и, прижимаясь к стене, под бдительным оком бородача и швейцара, скрылся

в темноте. Бородач потянулся вослед Брюховцу, вынужденно бросившему Коротких одного досматривать многообещающую программу. От зависти Брюховец даже зримо представил довольную морду напарника, разлядывающего перси стриптизерши...

– А ты, вообще, кто?.. – Плешивый сделал рукой круговое движение в воздухе.

– Мы же с тобой знакомились, – Зеленый подался вперед. – Махонин. Геннадий... Зеленый.

– Да? А как ты вышел на меня? Кто тебя привел?

– Я от катал приходил, помнишь?

– А! – вспомнил Плешивый. – Ага. Ну, ладно, – он картинно задумался. – А ты Дину Хабибулину знаешь?

– Нет, – смутился Зеленый.

– А Розу Ахунбаеву?

– Не знаю, – Зеленый сглотнул слюну.

– Кого ты вообще тогда знаешь?

Зеленый совсем растерялся:

– Тубуса, например. Боба. Да многих...

– Тубуса, – с сомнением протянул Плешивый. – Понятно.

Он еще не сидит?

– Вчера был на воле. Вечером уже...

– Ладно, излагай. Я поспрошаю о тебе.

– Три лимона баксов привезут во «Второй постиндустриальный банк». На днях.

– Кому привезут?

– Нам. Инкассаторы в доле.

– В чьей? – Плешивый прищурился, рассматривая Зеленого сквозь сигаретный дым, который он пускал над столом.

– Хочешь, будут в моей. Делим пополам, с учетом этого.

– Да... Так будет лучше. Где этот банк?

– Филиал на Новом Арбате. Место людное, но мы с ребятами все предусмотрели. Верное дело, – Зеленый облизал губы, допил коктейль из высокого бокала и погромел остатками льда на дне.

Плешивый внимательно посмотрел на него. Обернулся к стойке, показал на опустошенный бокал и поднял два пальца. Бармен отсигнализировал понимание.

– А что сам не сработаешь?

– Времени осталось мало. Послезавтра деньги привезут, сместилось все. И одному не получится... И потом, я хотел деньги потом в дело вложить.

– Заработанные потом, – продолжил с усмешкой тавтологию Плешивый. – И ты думаешь, я тебе в этом помогу, – утвердительно произнес он. – Потом! Это смотря в какое дело... Посмотрим. Не кажи «гоп»...

Плешивый откинулся на спинку кресла, осмотрел зал и отметил:

– Да, проект кажется интересным. Собственно, если эти твои инкассаторы не подведут... или не наведут.

Плешивый глянул на Зеленого, и тот просемафорил уверенность в человеческой порядочности.

– Хотя, от неожиданностей никто не застрахован, – поразмышлял Плешивый вслух и выпустил струю дыма в лицо старику, впавшему в анабиоз. Тот не шелохнулся. – На месте надо осмотреться.

– Завтра можно. Днем.

– И сколько, ты говоришь, эта квартира стоит? – лениво спросил Плешивый.

К столику приблизилась официантка в ярко-синей униформе стюардессы трансатлантического лайнера с белым кружевным передничком, принеся их заказ из бара.

– Может быть, что-нибудь еще, господа? – она засуетилась, протирая стол.

– А что есть? – полюбопытствовал Плешивый.

– Ой, да все! Особенно для вас, – официантка наклонилась к Плешивому и повернулась к Зеленому задом.

– А мы многое хотим в этой жизни, – ответил Плешивый. – Кстати, ты, Раечка, закрыла моему другу вид на прекрасное выступление актрисы оригинального жанра. Она, прямо, вверх ногами уже висит.

– Неужели я хуже? – улыбнулась стюардесса, выпрямляясь.

– Уверен, что нет, – оценил ее Плешивый. – Как ты думаешь? – перебросил он камень Зеленому.

– Да, но не здесь, – подыграл Зеленый.

– Мальчики, для вас все что угодно, – официантка улыбнулась каждому, поправила оборку передника и, целомуд-

ренно прикрываясь подносом, отошла. Еще раз она улыбнулась от стойки.

– Такая чувствительно укусит за кошелек, – улыбнулся ей в ответ Зеленый с безопасного расстояния.

– Третий нужен... не мешает, – продолжил прерванный приходом податливой официантки разговор Плешивый, с любопытством наблюдая за умирающим стариком-соседом.

– А может все-таки Тубус? – Зеленый взглянул на Плешивого и осекся.

– Да он инертный, как аргон. Все дело провалит. Вот кто нам нужен.

Плешивый сигаретой показал в сторону столика в другом конце зала, за которым сидело четверо парней в коротких черных куртках.

– Этот подойдет.

– Который? – недоуменно спросил Зеленый.

– В кожаной куртке, – брезгливо сморщился Плешивый.

Зеленый, пребывая в том же состоянии, повертел головой в секторе между парнями и собеседником.

Плешивый устало вздохнул. Дальше он действовал интервально, как автомат. Нехотя вытащил из-под мышки пистолет. Слегка отодвинул стволом голову не приходящего в сознание старика. Выстрелил. Какое-то время оценивающе смотрел.

Один из парней, затронутый его вниманием, медленно заваливался назад. Задрав ноги кверху, как в немом кино с аккомпанирующей грохочущей музыкой тапером, он беззвучно брякнулся вместе со стулом на пол. Звук выстрела почти утонул в барабанной дробь, сопровождающей откровенное выступление стриптизерши.

– Вот этот!

Зеленый понимающе покивал и потер нос.

В первую минуту после выстрела посетители заведения продолжали сидеть как ни в чем не бывало. Только пухлый бармен мученически заломил руки, закатил глаза и заметался, сноровисто убирая под стойку бутылки и бокалы. Похоже, он обладал некоторым, а может быть даже богатым, опытом.

– Ты убил его, – Зеленый постарался показать, что он всего лишь слегка сожалеет о случившемся.

– Ерунда. У него бронезилет, – раздумчиво произнес Плешивый и пожевал нижнюю губу.

Внезапно, выйдя из оцепенения, один из оставшихся в сидячем положении парней в кожанках перевернул стол и начал палить из-за него в ответ веером. Плешивый вместе с Зеленым упали на пол. Подельники переглянулись и начали ползком пробираться к бару.

Начался переполох, как во время бунта команды на кораб-

ле. Все повскакивали с мест. Компания солидных джентльменов в галстуках оказалась перед неожиданно опустевшей сценой. И, словно давно ожидая заварушки, начала сосредоточенно молотить одного из своих, проявив истинное лицо. По всему залу разгоралась драка с применением стульев, штaketника из перегородок и другого подручного инвентаря. Несколько посетителей принялось стрелять. Особенно усердствовал кто-то у выхода. То ли напоследок, то ли в отместку за неполученное удовольствие очередями поливая помещение из автомата. Охрана развлечения не портила, не кажа лиц.

Только унылый старик спокойно продолжал сидеть. Возможно, он спал. Но каким сном, неизвестно. За ним теперь прятался Коротких, пытавшийся выскользнуть из разбушевавшегося волнами ночного клуба.

Через них, с уже закрытыми глазами и сложенными на груди руками покойника, по большой дуге перелетел лысоватый блондин. Запустили его откуда-то от стены. С грохотом разбивая подвернувшийся стол, блондин треснулся оземь перед отступающими Плешивым и Зеленым, перегородив дорогу. В последнем всплеске активности он, как зомби, подскочил и на негнущихся ногах, сметая по пути мебель, врезался в стену. Не найдя в горячке выхода.

– Трудно ему было, – откомментировал Плешивый его второе падение, не оставляющее сомнений, что поднимется «летчик» не скоро.

Плешивый с Зеленым разом перемахнули через заветную стойку, за которой застыл, окаменев от увиденного, бармен. Они присели у его ног в осколках битого стекла, когда в помещении раздался взрыв, сотрясая заведение. Увесистый бармен, обсыпанный черными жирнымииошметьями, свалился на Зеленого. Зеленый высвободился из-под тучного тела и перевернул его на спину. Физиономия работника прилавка потемнела от сажи.

Все стихло. Слышался только хруст разнообразного мусора под ногами и, видимо, руками. По воздуху стелился, медленно оседая, сизый дым.

Плешивый вылил бармену на лицо остатки мутной коричневой жидкости из надколотой бутылки из недобитых обширных закровов потерпевшего.

– Ты знаешь, – обратился он к Зеленому, – мне кажется, нам все-таки придется работать вдвоем.

– У меня тоже складывается такое впечатление. Я даже думаю, нам пора сматываться отсюда, – принял легкий тон Зеленый.

Внезапно бармен пробудился к жизни и поднял голову. Шевеля бровями, как сомнамбула, он оглядел стеклянным взглядом подельников.

– Прекрасно, Мешок. Ты, как всегда на высоте. А то я уже беспокоиться начал...

Плешивый хлопнул, скорее всего, Михаила, по плечу, отчего тот вновь принял горизонтальное положение. Губы рас-

квасились по кафельной плитке, словно, он собрался пить из лужи, в которой лежал.

Натянув на макушку несчастному валявшуюся на полу беспризорную кепку, Плешивый кивнул Зеленому. Они вдвоем с трудом высунули несопротивлявшегося бармена из-за стойки. Показ новой коллекции головных уборов прошел успешно. Последовал выстрел, кепка слетела на пол. Плешивый привалил бармена к холодильнику и вытер о него руки.

– Придется уходить задами, – вывел он двусмысленное заключение.

И сообщники выползли в заднюю дверь на кухню.

Напротив главного входа в здание на улице ожидала организованная встреча. Прямо на дороге, удобно разместились двое: один лежал, раскинув ноги за ручным пулеметом на сошках, второй сидел, расправляя пулеметную ленту, тянущуюся из деревянного ящика. Под прицелом был вход. Охранников куда-то сдуло. Ситуацией заправлял бравый швейцар в офицерской фуражке. Заложив за спину руки, он прохаживался позади расчета пулеметчиков.

Проезжая часть была перегорожена пластмассовыми дорожными блоками белого цвета, висели предупреждающие водителей красные фонари, имелся и знак объезда.

Плешивый с Зеленым прокрались вдоль каменного парапета набережной к стального цвета «мерседесу», стоящему в цепи припаркованных автомашин гостей праздника, и Пле-

шивый, проскользнув за руль, рванул с места.

Сзади послышались ругательства и запоздалая очередь. Швейцар бился в бессильной злобе, смяв в кулаке фуражку. Образ его крупными мазками описывался стремлением вырвать на себе все волосы. Раздалось еще несколько хлопков выстрелов неизвестного происхождения и направления.

Следом за Плешивым и Зеленым из-за угла выскочил Коротких, и, воспользовавшись отвлечением бесноватого швейцара, бегущим кабаном откочевал на полусогнутых с линии огня к ближайшей подворотне, где его встретил блаженно радостный от созерцания столь близкой перестрелки Брюховец. Огорчался он только тем, что не мог лично участвовать. Пистолет он сжимал в потной руке.

Глава 4

Что могут женщины

Солнечный свет полосами прорывался сквозь кремовые вертикальные жалюзи.

В просторной приемной ожидал всего один посетитель в темно-сером безликом костюме. Этого, все же, оказалось достаточно для создания гнетущей атмосферы, некоего духа присутственного места с тихой, вязкой духотой, запертой в четырех стенах. С прямой спиной он сидел на диване, невыразительными глазами изучая картину на противоположной стене. Смотрел он снизу вверх, исподлобья, не поднимая головы, стараясь не менять позы, принятой изначально. На полотне неизвестный художник-модернист пытался выразить истерзанное мироощущение: среди россыпи различно окрашенных геометрических фигур выделялась аморфная желтая клякса. Подумать было над чем.

Рядом с диваном стояли телевизор и тумбочка со стеклянным графином, наполненным водой. Сверху висел перевернутый круглый тонкостенный стакан. Большой платяной шкаф для своих и рогатая вешалка для одежды посетителей дополняли меблировку. У входной двери отстаивался еще один шкаф, больше похожий на горку для посуды, плотно наполненный папками, книгами и скоросшивателями. Доста-

точно стандартная обстановка для чиновной приемной.

Казенный пейзаж оживлялся у широкого окна. За письменным столом у компьютера сидела Алла, на фоне пробившегося наконец к людям света и зелени по ту сторону пыльного стекла. Ее окружал собственный, рукотворный мирок из различных безделиц и вещиц, мухами облепивших серый корпус плоского монитора и стол. Стены вокруг были увешаны календарями и открытками. Остатки свободного пространства возле рабочего места заполняли те ненужные предметы, которые подчиненные и зависимые люди дарят начальнику или покровителю по различным подобающим случаям и на которые у того не хватило места в кабинете. Начальник угадывался за двустворчатой дверью, выпукло обитой дерматином и переполосованной ромбами обоями гвоздями с круглыми декоративными шляпками.

Алла изредка тихо щелкала мышкой, не отрывая глаз от экрана, поддерживая выморочное состояние паралича в работе учреждения. Это был единственный звук, раздававшийся в кабинете. Ожидающий аудиенции даже не осмеливался ерзать.

Зазвонил телефон. Алла безошибочно выбрала трубку из трех возможных вариантов. Молча послушала невидимого собеседника, положила ее и сообщила деревянному посетителю, что скрытый за дверями Петр Кузьмич просил подойти через часик.

По выражению лица трудно было определить, обрадовала

или огорчила его новость. Но спина несколько расслабилась.

– Хорошо, Аллочка. Я подойду. Если вдруг вызовут раньше, я у себя, – тихо промолвил чиновник и мягко прикрыл за собой дверь.

Оставшись одна, Алла закинула ногу на ногу, полюбовалась гладкой коленкой в припадке нарциссизма, сняла трубку и отстучала номер, оберегая острыенотки.

– Светка, привет! Ну, ты где, я тебя спрашиваю? Давай, сейчас! Обед уже скоро, и у меня все пассажиры разошлись. Давай, в «Елы-палы»! Выходи, я уже иду...

На втором этаже торгового центра она задержалась у входа в ресторан, осмотрев себя в огромном зеркале. Слава богу, погода почти наладилась, дождя нет – юбка, разрез, блузка, рюшики, босоножки, наконец. Все очень даже неплохо. Она поправила волосы, придав им объем.

Позади импровизированного плетня с чучелами куриц на верхней жерди демонстративно скучала над выложенными на дощатый стол руками Светка. Молодой кучерявый парень отделился от соседнего столика, подскочив как на пружинах:

– Садитесь к нам! Тут и вид лучше, – он весело улыбнулся Алле.

Его сосед тоже заулыбался, пододвигая свободный стул.

Стрельнув глазами, Алла молча оценила порыв кучерявого, прибавила медленный кивок головы, похлопала ресницами и устроилась напротив подруги.

Если не знать Светку, а Алла знала ее с первого класса

школы, где они совместно мучились до окончания, можно было бы подумать, что она недовольна. На выбор: опозданием подруги, лаком для ногтей, местом встречи, обслуживанием, будущим вообще. Хотя последним – вряд ли. Так далеко она не заглядывала.

Ее глубоко запрятанный взрывной темперамент скрывался за слегка нахмуренными бровями и полуприкрытыми глазами, которыми она внимательно изучала свои хищные накладные ногти. Картина дополнялась слегка выпяченными губами, что придавало лицу обычную маску легкого утомления и недовольства. Ее расположение желающим требовалось зарабатывать.

– Пятнадцать минут, – вялым голосом сообщила она своим ногтям.

– Свет, я бежала. Ну, все, как обычно, в последний момент. Как всегда: соедини с тем, соедини с этим... Вечно нейдет!

– Ладно, закажи что-нибудь. Я линзы не надела.

Алла приняла меню.

– Я на диете, – выдала последнюю новость Светка.

Подруга махнула рукой и, не глядя в карту, сделала заказ.

– Ребята за соседним столиком, – монотонно произнесла Светка, когда официант в красной с цветочными узорами косоворотке и скрипучих сапогах удалился.

– Да уж заметила, нетрудно было. Перебьются. Хотя моего Крокодила Гену пора и проучить. Все вечера где-то шляет-

ся... А ты, я смотрю, прямо настроена уже в «Палках» знакомиться, – засмеялась Алла. – Конкретно!

Светка не поддержала юмора, учитывая серьезность темы, и ответила неопределенным хмыком.

– У меня есть предложение получше, – Алла сделала паузу, завладев вниманием. – В общем, поехали на море!

Медлительная до момента принятия решения, Светка задумчиво сделала несколько движений длинными пальцами и ответила вопросом, не вдаваясь в собственные сомнения:

– А твой?

В ответ, который Алла предварительно, несомненно, обдумала, она сообщила, что собирается это проделать назло строптивому спутнику жизни. Необходимо на недельку вырваться из рутины жизни. Заметила, специально для Светки, что там-то, на горячих югах, выбор будет определенно лучше: пустила, так сказать, для верности, в бой тяжелую артиллерию.

Она прекрасно знала все болевые точки подруги, повторяющие раскладку атласа эрогенных.

Томная Светка медленно поправила прическу. У нее наступил период жгучих вороных волос. Красиво окрашенных. Как она считала. На что и обращала внимание невнимательных.

– Надо отпрашиваться, – флегматично резюмировала она.

Работала Светка менеджером по рекламе в глянцевого журнала для далеко продвинутых женщин. В редакции по-

добного печатного органа она была на своем месте, томно впаривая клиентам страницы журнала, любая из которых была рекламной площадью. То ли из-за ее обширных и постоянно пополняемых контактов из ухажеров, то ли само по себе так сложилось, – а журнал был достаточно популярным, – но рекламодателей хватало. Отбоя не было. Светка, безусловно, ставила обстоятельство себе в заслугу и на работе ее ценили.

– Так в чем же дело?

– А твой этот – ментокрылый мусоршмидт? – вновь погнала волну в адрес подруги Светка.

– Ты глянь, запомнила, а ведь он староват... Или – нет? – подначила Алла. – Кузьмич – душка. Отпустит. Если надо, я из него канат совью.

– Удавишься. Смотри, не увлекайся, – ответила на выпад Светка и, откинув голову и тряхнув распущенными волосами, свысока добавила: – А когда и куда?

– Тебе оставить? – продолжила пикировку Алла, имея в виду начальника. – Сейчас уточнюсь у Кузьмича и – в Сочи. Самолетом. Я сегодня погоду смотрела.

– Когда вы только работаете? – вставила Светка.

Она всячески подчеркивала собственную загруженность при любом удобном случае, что не мешало ей постоянно развлекаться.

– Мы тут, в прямом смысле слова, прозябаем, – закончила Алла, оставив замечание неотвеченным.

Им принесли напитки и две большие тарелки для салатов.

– Пойдем, отоваримся, – сказала Алла, и они поднялись.

– Надо бы сбросить пару килограммов...

– Куда? Поздно уже. И потом, тебе так идет, – Алла оценивающе скользнула взглядом по фигуре подруги. – Не заскучаешь!

Светка приподняла бровь и, заведя локон за мочку уха, покачивая бедрами, двинулась на телегу с салатами с тарелкой наперевес. Возвращаясь к столу Алла позволила не теряющему надежды прыткому соседу отодвинуть стул.

– Смотри, – Светка кивнула в панорамное окно, заменяющее наружную стену. – Твой.

Облокотясь о поручень, Алла посмотрела вниз. По широкому мощеному плиткой тротуару сновали частью озабоченные, частью праздные прохожие.

– На стоянке, – скорректировала Светка.

Алла перевела взгляд подальше, за полосу редких молодых кленов – на карман парковки. Возле открытой передней двери стального цвета «мерседеса» стояли Зеленый и какой-то бритоголовый тип. Оба опирались руками о крышу машины.

– Этот уголовник-то на «мерине», – оценила Светка.

– Я и говорю, что шатается где-то постоянно. Хорошо, что с мужиками.

– Ты так считаешь? – протянула Светка язвительно. – Смотрю я, близко друг к другу стоят.

Пропустив удар, Алла ненадолго задумалась.

– Переговоры, наверное, – изрекла она после короткого молчания, в течение которого Светка выжидательно искоса поглядывала на нее.

– А чему он посвящает свой труд?

– Да какие-то водочники из регионов через него работают.

– Опасный бизнес... Сопьется.

– Что ты каркаешь!

– Ты же собралась уезжать? – обозначила удивление Светка.

– На неделю, – отрезала Алла. – На неделю ему будет полезно. Встряхнется немного. А то заработался.

– Это точно, может встряхнуться. В твоё отсутствие. В квартиру-то попадешь по возвращении?

– Слушай, я тебе сейчас такую маленькую дырочку, – Алла показала возможные последствия на пальцах, максимально раздвинув указательный и большой, – в голове сделаю. От «Стечкина».

– Ваши ментовские шутки, – слабо прореагировала Светка. – В каких кругах ты вращаешься, – покачала она головой от безысходности.

– Язва ты, – попыталась подвести итог Алла.

– Да, мне палец в рот не клади.

– Да, на пальцы ты не реагируешь, – усмехнулась Алла.

– Какая ты все-таки гадкая... Фу! Ходят всё, – продолжила сообщения Светка, не покидающая наблюдательного по-

ста. – Ходят, бродят, тоску наводят...

– У кого что болит...

– Лысый ничего, колоритен, – Светка пошевелила губами. – Познакомь!

– Я его сама первый раз вижу.

– А ты узнай. Сделай для подруги, лучшей, доброе дело.

– Приедем – узнаю.

– Ну-ну. Я не забуду. Твердо решила?

– Это ты точно не забудешь.

– В машину сели, – прокомментировала Светка.

Алла задумчиво посмотрела в окно. Зеленого ей видно не было. Лысый повернулся к собеседнику вполоборота и закрыл обзор.

Светкин вопрос о том, что она придумала сказать насчет поездки своему, вернул Аллу к действительности.

– Поругаюсь. Все к тому идет.

– Ну, что ж. Отдых может удаться, – Светка поводила плечами, словно разминаясь перед схваткой.

Пытаясь скрывать безотчетную настороженность, Зеленый, тем не менее, постоянно затравленно озирался, интуитивно ощущая чей-то пристальный и заинтересованный взгляд. Но людской поток тек мимо по своим повседневным нуждам.

Фланирующих в толпе каменного Коротких и ртутного Брюховца в шарфе и кепке набекрень он в лицо не знал. Внимательнее он присмотрелся к наряду полиции, неприкаянно-

бродившему поодаль. Но сотрудники правоохранительных органов явно маялись по прямым обязанностям общественной безопасности. Плешивый же приписывал его заметную нервозность состоянию стресса перед серьезным событием.

– Завтра в девять утра будут подвозить? Это точно?—переспросил он.

– В зале в это время обычно мало народу, – сказал Зеленый, стряхнув с себя паутину. – Главное – внезапность.

– Машина уедет сразу? – спросил для проформы Плешивый.

Он задумчиво водил пальцем по схеме банка, развернутой у него на коленях.

– Да. Их дело – сдать деньги... Брать надо внутри, когда понесут в хранилище. Это через весь оперзал. Вот сюда, – Зеленый показал заштрихованный прямоугольник на бумаге.

– Заносить будут в эту дверь? С фасада? – Плешивый остановил палец и, подняв голову, бросил взгляд через ветровое стекло на предполагавшийся к грабежу банк.

– Нет, сзади. Через эти двери нам надо идти. Видишь, стекла тонированные. Двойные. И тамбур. Так что снаружи ничего не будет видно и слышно. – Оба смотрели на вход в безмятежное кредитное учреждение. – Может зайти, как считаешь?

– Нет, не надо. Лишний раз не будем светиться. Охранник один на входе?

– Да. Правда, тревожная кнопка у операционисток и в кассе, так что брать надо быстро.

– Да... Надо бы втроем идти... Третий нужен, – Плешивый возрился на подельника. – Кто в машине останется?

– Рискнем! Другой случай может не представиться. Ребята волнуются. А машину можно оставить вон там, – Зеленый махнул рукой в конец квартала.

– Далековато. Прохожих много будет. Хотя это и к лучшему. Легче будет затеряться.

– Опасно, конечно, но не на стоянке же оставлять.

– Это верно, – согласился Плешивый и оглянулся на опущенный сзади шлагбаум.

– Дело стоящее. Три миллиона, – сказал Зеленый и пополировал заостренный кончик носа.

Плешивый внимательно посмотрел на него.

– Я помню. Схема соответствует? В смысле точности...

– Ребята срисовали, – уверенно сказал Зеленый.

– Их доля – на тебе, – напомнил Плешивый. – И чтоб вели себя хорошо. Без импровизаций.

– Как договорились, – развел руками Зеленый.

На том и расстались с подельником.

Дальнейшая судьба определилась точнее, и Зеленого закрутило в круговерти предотъездных хлопот.

После трудового дня он поторопился домой в надежде на восстановление порушенных мостов к сердцу своей прекрасной дамы. Однако и этот вечер проходил по заданной Аллой-

недавно программе.

Усилия по налаживанию отношений не давали видимого успеха. Зеленый не менеетридцати минут заходил с разных сторон, увиваясь как кот вокруг банки с недоступной, но желанной сметаной.

Объект направленных усилий сидел с ногами на диване. На коленях держал раскрытый свежий номер красочного журнала, где подвизалась стервозная Светка. Алла курила, выпуская дым в сторону. Сверху склонился Зеленый, пытаюсь заглянуть ей в лицо, скрытое упавшей челкой.

– Свежие сплетни с элементами никотина, – пошутил он, посмотрев на Аллины пальцы с отставленной в сторону тонкой сигаретой, которыми она с треском листала страницы журнала.

Шутка не прошла.

Малоубедительным тоном Зеленый бубнил, чтоскоро это дело закончится. Совсем скоро... И продолжал убеждение окружающих, почти искренне сожалея, что пока так получается, и не со всеми контрагентами можно встретиться днем, ты же знаешь... И так далее...

– Ты и днем очень занят, – процедила Алла, озаботив телевизор сменой каналов. – Тебе, как не позвонишь, у тебя телефон выключен или недоступен.

– Я же на метро сейчас езжу. Ты же знаешь, машину в ремонт отогнал, – попытался оскорбиться Зеленый.

– Ездить надо спокойнее. Я тебе всегда говорила.

– Мы это уже обсуждали. Давай не будем! – Зеленый примирительно положил в очередной раз руку на плечо Аллы и погладил пальцами шею с выпирающим позвонком.

– Тебя Светка видела днем с каким-то педиком лысым. Не закрывай мне свет! Не нависай! – Алла убрала руку с плеча, передернув им как от электрического разряда.

– Странно тогда, что она обратила на него внимание, – отметил Зеленый, восстанавливая статус-кво на плече. – Это клиент. Я и вечером с ним встречался.

– Остался бы с ним ночевать.

– Очень смешно, – Зеленый вздохнул, выпрямился, потоптался немного и поплелся размышлять в ванную, но задержался в дверях. – Я, между прочим, деньги зарабатываю. В том числе и на отпуск.

– Когда только? На пенсию ты зарабатываешь... Езжай с этим лысым! – предложила Алла, не представляя насколько она близка к истине. – Отдохнете.

– Понесло... – Зеленый опять вздохнул. – Ну, подожди чуть-чуть. Чуть-чуть! Не могу я сейчас.

– Что, занят он? – вставила Алла, шумно перевернув очередной лист.

Как заученную мантру Зеленый повторилообещание скоро освободиться. Алла откинула журнал на диван и, подняв колени, уперла в них подбородок.

– Не освободишься, а откинешься ты скоро. А может и не скоро... Смотря сколько дадут... С бизнесом твоим. Сама

поеду тогда. Светка, вон, зовет. Путевка горящая пропадает.

Зеленый постоял, потолкал косяк плечом и пошел под душ.

Потушив сигарету, Алла закусила губу. Вообще, кто он такой? Разобраться бы не мешало. Что она о нем знает?.. Три месяца, правда, они живут вместе, и что? Недавно в Москве, а квартира уже есть... Ходит как кот где-то. С темными личностями общается. Деньги, вроде, немалые имеет. Она подсудно ощущала, что за кипучей деятельностью друга, как за двойным дном, что-то скрывается.

Посидев еще немного, обхватив голени руками, она прислушалась к шуршащему шуму воды и решительно поднялась. Она решила попробовать раскатать скользкого Гену. Машинально оправила халатик, встряхнула головой и пошла в ванную. Открыв дверь, она сбросила тряпочку под ноги.

– К вам можно?

– Нет – нужно! – Зеленый отодвинул пластиковую штору и расплылся в улыбке, помогая ей забраться внутрь. Тесно прижавшись, они постояли под теплыми тугими струями.

Усталые, лежа в постели, они закурили. Телевизор продолжал работать, неся свою вахту.

Зеленый поставил себе на грудь пепельницу.

– Смотри не промахнись, – пошутил он.

Алла устрашающе улыбнулась.

– Поставь пониже. Пытать сейчас буду, – она подняла руку и направила сигарету горящим концом вниз, целя в Зеле-

ного. – Кем ты работаешь? Не напрягайся, я все знаю, – Алла начала перебирать жидкие мокрые пряди волос Зеленого. – Будем говорить? Или в молчанку играть будем?

– Алла!

– Что, Алла?! – она с усилием затушила сигарету в пепельнице. – Слушай, ты хоть бы образцы этой своей водки принес, показал, что ли. Хотя бы раз!

– Ты же не пьешь ее! – Зеленый попытался взглянуть Алле в глаза, свернув шею.

Алла помогла ему, внимательно осматривая его лицо.

– С тобой начнешь, – наконец ответила она.

– А что, может выпьем? – Зеленый поцеловал Аллино ухо.

– Нет. Так где же ты работаешь?

– Ты же знаешь, что нигде, официально. Пока. Зачем мне это?

– Значит, не хочешь говорить? Запираться будем?

Зеленый переставил пепельницу на пол и, подскочив начал хождение вокруг монументальной кровати. На манер задумчивой птицы-секретаря. Алла наблюдала искоса.

– Это тебя опять мама накрутила? – Зеленый остановился, потрепал волосы, сходил в ванную за полотенцем и начал энергично вытирать голову, заполняя паузу. – Штамп в трудовой, штамп в паспорте. Да? – продолжил он, не дождав-шись ответа.

– Ну, штамп бы тоже не помешал.

– Какой?

– В трудовой, Гена, в трудовой. Нужен ты мне, паспорт марасть об тебя.

Зеленый отшвырнув полотенце и уселся на край кровати.

– Я буду спать, – упредила его Алла и отвернулась к стене. – Погаси свет! И думай.

Зеленый нашарил под кроватью лохматую пыльную книгу. Перейдя в зал, он включил торшер и погрузился в кресло.

Алла прислушалась. К музыкальному центру он не подошел. Но зато, добавив пищи к размышлениям, раздался звонок.

Отдыхать после трудового дня Зеленому не пришлось: вызвал на встречу Валера. Который зачем-то повозил пассажира на такси по центру, пока не припарковал у тротуара на желтой зигзагообразной линии пустой в этот поздний час автобусной остановки возле подземного перехода. Фары погасли. Напротив, через дорогу, подсвеченная фонарями на выдающихся вперед штангах, обозначилась вывеска «Второго постиндустриального банка». Рестораны и клубы по различным интересам располагались чуть дальше, брызгая завлекающими огнями.

К машине вразвалку двинулся патрульный работник дорожной инспекции, накручивая полосатый жезл вокруг указательного пальца выверенными движениями руки. В ответ на его выпад такси замигало аварийными огнями. В салоне, освещенные светом вечерней иллюминации, сидели Валера

и Зеленый. Оба закурили. Валера опустил стекло пониже, поджидая надвигающегося гибэдэдэшника.

Страж порядка и безопасности движения подошел к машине со стороны водителя и скороговоркой неразборчиво доложил. Из всего сказанного внятно было произнесено что-то о каком-то батальоне и документах.

– Сержант, я пассажира высаживаю, – ответил Валера.

Патрульный, выпущенный на подножный корм, был не в силах легко отказаться от кровных и более настойчиво потребовал документы, поведав о режимности правительственной трассы. Валера послушал и показал краснокожее удостоверение. Сержант козырнул и несолоно хлебавши удалился, похлопывая полосатым жезлом о ладонь.

Валера выпустил дым ему вслед и повернулся к Зеленому:

– У нас в молодости говорили: «Мент гаишнику не кент»... Ходят, одно деньги сшибают, пока мы с преступностью боремся, – подсадовал он. – Плешивый согласен? Не сорвется? – спросил он, ностальгические нотки в его голосе пропали.

– Можешь доложить шефу.

– Доложил уже. Разговора «о потом» не было еще?

– Нет. Так, вскользь упомянул.

– Надо поговорить.

– Поговорим. Сначала отвези меня домой.

Валера дернул щекой, уставился на огонек сигареты и отстрелял фразу:

– Скоро выборы. Весной. Городские... И в Управу районную. В Бубырево.

Зеленый наклонил голову, выказав внимание.

– Нужен успех, – продолжил Валера. – То есть, нужен Плешивый и его связи. Но главное... Нужен Дикобраз. Он нужен до выборов.

– В каком смысле? Он что – мешает волеизъявлению граждан?

Валера видимым образом не прореагировал. Или прореагировал. Он медленно повернул голову в сторону звуковых колебаний.

– Он решил, что он может поддерживать тех, кого считает нужным. Он должен понять, что так не бывает. Задача стоит так. Поставлена. Ясно? Материал на него нужен. В том числе от тебя.

– Ты хочешь сказать, что нас с Плешивым поймают, а организацию ограбления припишут Дикобразу? – Зеленый перзал.

– Нет. Это неправдоподобно. И – мелко. Пристегнем Плешивого к нему. Попробуем наворотить побольше... Твоя задача – держаться возле Плешивого. Он должен вывести... Необходима четкая связь между Дикобразом и криминалом. То есть с Плешивым, в частности. Сверху принято решение убить двух зайцев, – Валера хмыкнул с присвистом и щелчком отстрелил окурок в окно.

– А ему сообщили, что он должен?

– Не понял? – с легкой угрозой произнес Валера. – По-моему, я тебе ясно объяснил все?.. Надеюсь, ты всё понял. И понял, откуда поставлена задача, кем? – Валера издал вопросительный звук.

Зеленый промолчал.

«Вылупился как сыч», – подумал он.

Валера повернул голову, посмотрев в упор.

– Да. Я все понял. Сделаю все, что смогу.

– Не так, – веско изрек Валера.

– Я понял. Все сделаю.

Валера едва заметно удовлетворительно кивнул:

– Домой я тебя отвезти не смогу.

– Зачем тогда сюда привез? Не мог раньше сказать?!

– У меня здесь клиент. Более дрожжевой, чем ты. От тебя чаевых не дождешься. Может, потом частью поделишься? А?.. Много, поди, вам будет на двоих? – Валера, не мигая, смотрел на Зеленого.

– Ты говоришь о премии? – усмехнулся Зеленый.

– Нет.

Они боролись взглядами. Валера победил, и Зеленый перешел на осмотр окрестных достопримечательностей.

– Ты, парень, помни на чьи деньги жируешь, – Валера угрожающе навис над Зеленым. – Срастаешься с преступностью? На казенные деньги...

– Не на твои ведь.

– Считай, что на мои. Фонды я распределяю. По этой опе-

рации.

– Ладно, я пошел, – сломался Зеленый. – Пока.

– Себя береги!

Зеленый вылез из машины, захлопнул дверь и уже направляясь к метро пробормотал в тихом бешенстве:

– Варела, чертов.

Глава 5

Ограбление таки случилось

Утро ознаменовалось просветами в уходящих на восток тучах.

Прохожие повеселели, бодро перепрыгивая просыхающие на ветру лужи. Оставалось надеяться, что запоют птицы, но их просто не было. Каменные многоэтажки центра выдавили их в редкие островки еще не застроенной парковой зелени. Даже голуби куда-то подевались. Остались вороны. Они сосредоточенно потрошили целлофановые пакеты с мусором около грязно-салатных контейнеров на колесиках, которые подравнялись вдоль кирпичной стены здания «Второго постиндустриального банка», невдалеке от задней двери. На пешеходов и окружающую суету пробудившегося города вороны внимания не обращали, полагаясь на охранение. Несколько товарок, важно вышагивая, поблескивая боевыми клювами, патрулировало артельную территорию кормления. В зону их ответственности входила и небольшая стоянка для машин сотрудников банка. Огороженная низкой металлической оградой из прутьев, она оберегалась будкой охраны, похожей с виду на полевой сортир. За тонированными стеклами охранника видно не было.

Плешивый расположился неподалеку на лавочке в

небольшом, вытоптанном до полного отсутствия травы палисаднике у единственного подъезда старого жилого дома. Он наблюдал за окружающей обстановкой уже около получаса, и вороны начали изредка недоверчиво поглядывать в его сторону. Беспокоились за добычу. На бомжа он не был похож, но конкуренцию вороны интуитивно чувствовали.

В очередной раз почесав парик, Плешивый убедился, что тот на месте. Шкиперская борода держалась лучше и вызывала меньше беспокойства.

Проехал грязно-желтый бронированный фургон с зеленой полосой и оранжевыми проблесковыми фонарями на крыше. Плешивый проследил, как машина остановилась у служебного входа в банк. Запахнув широкий светло-коричневый плащ, он пошел через узкий проход между высотными зданиями на улицу к главному входу. В арке, как в аэродинамической трубе, дул ветер, закручивая мусор в углублении стены. Пришлось беспрерывно почесываться, фиксируя парик.

Пожилой охранник в черной форменной одежде сидел за столом у входа и читал книгу. Плешивый прошел в операционный зал и направился к стеклянной, подкрепленной снизу деревянным барьером перегородке, отделяющей клиентов от работников банка.

Девушка опередила его:

– Здравствуйте. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Плешивый усмехнулся:

– Доброе утро. Можете. Если сможете.

Девушка усилила нажим на улыбку. Похоже, ее заработная плата зависела от клиентов.

– Могу я обменять доллары на евро?– спросил Плешивый и, на всякий случай, осторожно почесал голову.

Девушка радостно подтвердила возможность исполнения желаний.

Плешивый оглянулся, осматривая зал. Зеленый сидел у стенда с образцами документов и сосредоточенно шевелил губами. Он заполнял маленький бланк, манипулируя привязанной к столу шариковой ручкой. В другой руке напряженно сжимал мобильный телефон. Растительностью на лице он тоже обзавелся.

Двое служащих банка в военизированной униформе – коротышка и дылда – появились из внутреннего коридора. Миновав барьер, они направились к центру зала, где находилась лестница, ведущая к хранилищу в подвале. Коротышка изогнулся дугой. Он надрывался, неся что-то вроде железного чемодана. Ноша была явно тяжела для него. Дылда выступал немного позади, взглядом гипнотизируя чемодан. Спуска в хранилище Плешивый видеть не мог из-за колонны закрывающей обзор.

Плешивый повернулся к девушке и просунул пачку долларов, перетянутых резинкой, в просвет под стеклом.

– В крупных купюрах, пожалуйста.

Положив телефон в карман, Зеленый поднял воротник

пиджака, надвинул на глаза кепку и встал, сжимая бланк в руке. Двигаясь к стойке, он осматривал стену, обильно засеянную листками с разнообразной информацией, и как бы по рассеянности натолкнулся на коротышку, наступив тому на ногу. Выйдя навстречу друг другу из пункта А и пункта Б, они сошлись у лестницы, ведущей в хранилище, где случилась точка пересечения.

Коротышка хотя и ожидал чего-то подобного, но, тем не менее, охнул от неожиданности и облегченно уронил чемодан. Он вцепился обеими руками в перила, ограждающие лестницу и, картинно сползая вниз, растянулся на полу у парапета. Зеленый вытащил из недр пиджака пистолет и резко нагнулся к чемодану. Его ручка была еще теплой от усилий инкассатора.

Дылда вышел из оцепенения и неуверенным движением нащупал пистолет, притороченный к поясу. Приняв боевую стойку с раздвинутыми ногами, он слегка присел, чтобы не стрелять выше цели, и в упор несколько раз разрядил пистолет в спину Зеленого. Тот невозмутимо выпрямился – вес он взял на пределе – и начал, вихляя, двигаться по направлению к выходу, оберегаемому побледневшим охранником. Судя по выражению искаженного лица Зеленого, это была дорога жизни. Дылда пальнул вдогонку еще несколько раз. Потом озабоченно осмотрел пистолет, заглянул внутрь ствола, даже дунул туда и бросил взгляд на удаляющегося Зеленого в неповрежденном пиджаке. Зеленый, балансируя чемоданом,

не оборачиваясь, выстрелил назад, и дылда выронил изучаемый пистолет. Застонав, он скорчился и рухнул, как подкошенный.

Сквозь пороховой дым Плешивый разглядел, что пожилой охранник у входа не захотел идти вторым номером и поднял руки вверх, пропуская Зеленого. Тогда Плешивый достал из-под полы плаща короткоствольный автомат и крикнул:

– Всем ни с места! Все – на пол! – и повел автоматом в стороны. – Живо!

Несколько человек по обе стороны стойки, доселе безучастно наблюдавших за происходящим на их глазах ограблением, послушно повалились на пол. Охранник, перенервничав, упал первым.

В этот момент в зал заскочили два парня в черных масках с прорезями для глаз. Новые посетители, видимо, потенциальные вкладчики, сжимали в руках автоматы.

Они посмотрели на бездыханных инкассаторов, охранника, лежащую вповалку клиентуру и Плешивого с аналогичным оружием. Один из вновь прибывших сказал, оборачиваясь к кому-то невидимому за непрозрачной дверью:

– Здесь уже занято!

– Пошли дальше, – пробасил некий третий за дверью в ответ. – Опять прозевали!

– Что значит – опять? Кто так наводит?! – заорал второй из пары в зале. – Кто?! – Он тоже обернулся назад к невиди-

мому сообщнику. – Чьи люди, мля?! Твои, пидар?

– Его, – ответили из тамбура, переводя стрелки на соседа.

Неудачливые налетчики, распаленные разборкой, вышли. Из-за двери донеслись звуки короткой стычки без применения огнестрельного оружия.

Плешивый поколебался и шагнул от стойки, но вовремя одумался.

– Деньги гони! – обратился он к улыбочивой девушке-операционистке, пытаясь разглядеть ее под барьером.

Та высунулась из-за рабочего стола, натянуто улыбнулась и передала ему пачку евро. Плешивый звякнул дулом автомата о прилавок. Девушка помедлила и положила сверху доллары.

– Хороший курс сегодня, – оценил обменную операцию Плешивый.

После столь удачной сделки он, держа под прицелом зал, выскочил из банка и, размахивая автоматом, побежал к машине. По пути он обогнал Зеленого, который стремился в том же направлении, согнувшись под тяжестью чемодана. Лицо его было красным от натуги. Он изучал стыки тротуарной плитки.

Внезапно из банка раздался приглушенный вой сирены и изо всех подворотен к нему понеслись полицейские.

Одному из них Зеленый, не поднимая головы, судорожно приветственно махнул свободной рукой.

– Никого не выпускать! Оцепить здание! – донеслось до

подельников.

Плешивый кинул автомат на заднее сиденье, подождал шатающегося Зеленого и помог тому поместить чемодан в багажник.

– Там менты, – показал большим пальцем назад Плешивый.

– Да, – констатировал факт Зеленый. – Да?! Дергаем тогда!

– Ага, – Плешивый захлопнул багажник, и они прыгнули в машину. – Заедем только заправиться. Здесь недалеко.

Несколько прохожих из мгновенно сформировавшейся толпы показало им вслед пальцами. Зевак оттесняла развернутая цепь форменных полицейских, деловито разматывающих ярко-желтую ленту, ограничивая место преступления. В пределах загона, маркированного лентой, расхаживало несколько человек в штатском озабоченно разглядывая землю. Один из них, а именно матерый криминалист Палыч, нагнулся, поднял окурок и, внимательно осмотрев его, аккуратно поместил в предупредительно развернутый Петей с ехидной улыбкой целлофановый пакетик. Коллеги многозначительно переглянулись. Палыч даже удовлетворенно крякнул.

– Они туда побежали, – с болью в голосе проговорил лысый управляющий филиала банка в смешном костюме в крупную клетку и обвел взглядом обступивших его полицейских.

– Разберемся! Найдут, – успокоил управляющего, видимо, старший, не удостоив взглядом.

Перемещался он, выпячивая обширную грудь, стянутую мундиром, как корсетом, стараясь хотя бы уравнять ее в вертикальной плоскости с огромным животом. Прodelывая это усилие, ему приходилось слегка заводить руки назад, так что создавалось впечатление, будто он привык к тому, что его часто водили под руки.

С противоположной стороны улицы из такси за происходящим наблюдал скрытный Валера, мысленно костеря жирного старшего – Кириллыча, который на подготовленной Валериным отделом почве рулил, плюсуя для своего отдела дополнительные очки в извечной борьбе подразделений за выслугу перед начальством. Разработка была связана с наркотиками, так что пришлось допустить самодовольного Кириллыча к потенциально золотиносному, в плане наград и прочих благ, делу.

– Рулеткой перемерь! – обратился пузатый Кириллыч, с удовольствием командуя птенцами Валериного гнезда, к Ле-ве, аистом вышагивающему вдоль тротуара в пределах запретной зоны, ограниченной лентой.

– Ну куда он пошел?! – простонал, воздев руки, управляющий.

На ступени перед входом в банк высыпал персонал. Прохожие, продолжающие идти по своим делам, обходили место событий по газону.

На носилках, под управлением четырех полицейских, пронесли недвижимых коротышку и дылду. Оба приоткрыли глаза и, оценив обстановку, вновь смежили веки.

Передача тел гражданским лицам состоялась за пределами периметра. Там, у кареты «скорой помощи», переминались дюжие медбратья, напоминающие костоломов.

– К нам пусть везут! – скомандовал Кириллыч, потирая руки.

– В морг, так в морг, – прокомментировал на ходу трудолюбивый аист Лева.

Теперь он двигался удлиненными до метра шагами в сторону дороги, – рулетки у него не было. Через минуту старательный аист-землемер вернулся обратно с тремя черными масками. Он натянул одну на руку и продемонстрировал, проткнув пальцами, прорези для глаз.

Кириллыч, покачиваясь на каблуках, покивал.

– Голова, Лева. Дом Советов! Где нашел?

– В кустах. За пределами зоны, – подчеркнул веско Лева.

– Отлично. Расширить поиски! – скомандовал Кириллыч. – Приобщи!

– Они без масок были, – попытался привлечь внимание управляющий. – И потом – их двое было. Извините, как вас по званию? Один был с бородой, другой – в кепке. И тоже с бородой.

– А маски?

– Масок не было...

– А это что? Вы лично их видели? И потом откуда вы знаете, что их было двое? Откуда сведения? – Кириллыч подозрительно уставился на управляющего. – А может их ждал третий?

– Маски... – пролепетал управляющий. – Но масок ведь не было. Я как раз в зал выходил, – уже неувереннее сказал он.

– Так, свободен. Пока... – и управляющего слегка подвинули к ступеням усердные полицейские из охранения.

– Как резинка от трусов, – конкретизировал Палыч. – Кириллыч, обрати внимание, – сказал он, слегка тронув старшего за локоть.

К ним подошел собиратель окурков Петя. Кириллыч ожил. Он отвел одну руку чуть дальше назад, и Палыч вложил в нее лупу.

Окурок рассмотрели по очереди.

– С ними была женщина? – обратился через плечо к управляющему Кириллыч.

– Нет. А что?

Троица снисходительно переглянулась.

– На окурке следы помады.

– Надо спросить у людей, – предложил управляющий. – Но ведь здесь улица и может быть много мусора, – спохватился он.

– Спросим, – заверил Кириллыч, санкционировав помещение окурка обратно в пакетик. Что было исполнено Па-

лычем со всей осторожностью. – Так, народ – в помещение! – скомандовал Кириллыч, отслеживая криминалистическую процедуру.

Охранение азартно принялось загонять персонал внутрь. Не минула чаша сия и управляющего.

– Надо же догонять! – пытаюсь упираться, сделал он очередное предложение.

– Всему свое время, – философски обронил Кириллыч. – Сфотографируй всё, Палыч.

Во исполнение указания криминалист извлек мобильный телефон и принялся за работу.

– Но надо же быстрее! – продолжил назойливый управляющий в дверях и поднялся на цыпочки, пытаюсь бросить взгляд поверх полицейских. Его оттесняли внутрь. – Быстрее! Надо же выслать погоню! Вы же полиция или где?

Старший по расследованию злобно уставился поверх родных сизых фуражек. Управляющий отчаянно пытался закрепиться на последнем рубеже у входа в свой филиал.

– Так. Кто его выпустил? Снять у него отпечатки пальцев. Палыч!

– О-о-о, – простонал ничего не понимающий управляющий, и его накрыло серой волной мундиров.

– Так, план «Перехват», – сквозь зубы проговорил в рацию Кириллыч.

– В работе, – донеслось оттуда, перемежаемое грозowymi раскатами.

Кириллыч поморщился, отдалил чуть рацию от уха и бросил:

– Продолжайте!..

Мимо белого с синей полосой милицейского патрульного «фольксвагена», припаркованного во втором ряду у съезда на Бульварное кольцо, пронесся стальной «мерседес». Автомобиль с визгом свернул на бульвар, распугав пешеходов на «зебре».

Сидящий за рулем Коротких достал рацию, постучал ею для профилактики о приборную доску, послушал в ней чего-то и передал внутрь по инстанции:

– Шеф, все в порядке!

– Действуйте! – последовала исчерпывающая инструкция.

Через некоторое время «мерседес» пронесся вновь, свернув направо. Видно было, как Зеленый в машине показывал пальцем прямо.

Коротких опять постучал ударопрочной рацией о приборную доску, вслушался в нее, как в морскую раковину, и с усталым лицом передал ее напарнику. Брюховец хрястнул рацию с размаха о каску, которую держал на коленях, и, победно улыбаясь, возвратил устройство связи.

– Все нормально, шеф! – смог доложить после экзекуции Коротких.

Когда через какое-то время «мерседес» еще раз проскрипел тормозами, сворачивая мимо патруля, Коротких только пожал плечами и посмотрел, ища поддержки, на Брюховца.

Рацію он подбрасывал на ладони, словно обдумывая, куда
ею приложиться.

Глава 6

Структуры

правоохранительных систем

Начальник всегородского Управления по борьбе с организованной преступностью города Мужиков сидел в своем кабинете на Педровке. Тяжелая темная мебель, ряды стульев вдоль боковых стен. Высокое кресло Мужикова нависало над огромным т-образным столом на фоне карты Москвы, расположенной под гербом города и портретом градоначальника. Боковые панели кабинета, все без остатка, были оккупированы плакатами с графиками, диаграммами и чем-то вроде стенных газет.

Подчиненные, злословя в курилках, называли эту наскальную живопись кривыми повышения удоев.

Крупная, с глубокими залысинами голова Мужикова дополнялась огромными ушами, широким фронтом обороняющими фланги. Эта похожая на спутник конструкция, высоко оглядывая местность локатором, поворачивалась от одного посетителя к другому, бегающими глазками сканируя лица.

По бокам стола для заседаний, напротив начальника, сидели угрюмый Валера и довольный Кириллыч, вернувшиеся с успешно отработанного места преступления. Как Вале-

ра ни торопился, первым у начальства ему не удалось быть. Мигалка на такси у него не стояла.

Мужиков коротко улыбнулся, обозначая окончание доклада.

– Отлично! Отлично! – он потер руки. – Значит, состоялось, Кириллыч? – обратился он к старшему на выезде.

– Оторвались, Семен Януариевич, – ответил тот. – Люди доложились.

– Так-так. Валера, какие планы? – голова Мужикова обратилась к псевдотаксисту.

– Зеленый работает нацеленно, Семен Януариевич. Я с ним все проработал. Работа по связям Плешивого, выход на Дикобраза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.